

Юрий

Полодков

Грибной
царь

геометрия
любви

Юрий Поляков

Грибной царь

«АСТ»

2005

Поляков Ю. М.

Грибной царь / Ю. М. Поляков — «АСТ», 2005

ISBN 978-5-17-054336-6

Муж, успешный в бизнесе, притягивает к себе внимание не только конкурентов, но и всех окружающих женщин. Может быть, именно поэтому брак, основанный на взаимной любви, так безнадежно рушится. Но разве только брак? Компаньон и давний приятель совершает за его спиной маленькие подлости. Дочь не желает видеть заведшего отдельную жизнь отца. Юную любовницу больше всего интересует собственное отражение в зеркале. А мать предлагает встретиться лишь тогда, когда нуждается в материальной поддержке. Все хотят от него одного – денег...

ISBN 978-5-17-054336-6

© Поляков Ю. М., 2005

© АСТ, 2005

Содержание

1	5
2	8
3	14
4	19
5	22
6	27
7	34
8	37
9	44
10	49
11	53
12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Поляков

Грибной царь

1

Он бродил с корзиной в ельдугинском лесу, в том месте, которое дед Благушин называл «Ямье». Наименование это происходило от двух десятков квадратных впадин, превращавшихся весной и осенью в омутки со своей лягушачьей и плавунцовой жизнью. В сентябре по окраинам ям росли ворончатые чернушки, истекавшие на сломе белым горьким соком. Когда-то, в войну, здесь стоял пехотный полк. Стоял недолго: солдатики только и успели понарыть землянок, нарубить дров, изготовиться к зимовью и пустить дымы, как вдруг началось наступление. Что стало с полком? Дошел ли кто из приютившихся в землянках бойцов до Берлина? Воротился ли домой? Неведомо. Колхозницы развезли по хозяйствам дрова, разобрали накаты из толстых бревен, а почва принялась год за годом заживлять, зарашивать военные язвы. Но рукотворность этих впадин все еще была очевидна, и дед Благушин показывал возле овражков маленькие приямки – прежние входы в землянки...

Не обнаружив чернушек, он побрел дальше и даже не заметил, как привычный некрупный березняк перерос в чуждое, неведомое чернолесье. Огромные замшелые деревья, каких в ельдугинской округе сроду не видывали, подпирали тяжкий лиственный свод, почти непроницаемый для солнечных лучей. Где-то вверху, в далеких кронах, шумел ветер. Этот гул спускался по стволам вниз, и, ступая на толстые узловатые корни, расплзшиеся по земле, он чувствовал под ногами содрогание, будто стоял на рельсах, гудевших под колесами близкого поезда.

Чаща была безлюдная, даже какая-то бесчеловечная, и его охватило ведомое каждому собирателю тревожно-веселое предчувствие заповедных дебрей, полных чудесных грибных открытий. Однако грибов-то и не было. Совсем! Несколько раз, увидев влажную коричневую шляпку в траве, он бросался вперед, но это оказывался либо обманно извернувшийся прошлогодний лист, либо глянцевоый, высунувшийся из мха шишковатый нарост на корне. Ему даже вспомнилась читанная в детстве сказка про мальчика, который неуважительно вел себя в лесу: ломал ветки, сшибал ногой поганки, кидался шишками в птичек, – поэтому грибы в знак протеста построились рядами и покинули свои, так сказать, места исконного произрастания. Юный вредитель с лукошком долго и безуспешно искал по обезгрибевшему лесу хоть какую-нибудь дохлую сыроежку, пока не догадался совершить добрый поступок (какой именно – напрочь забылось). Тогда грибы, встав в колонны, радостно вернулись в лес и сами набились исправившемуся отроку в корзинку.

Иронично решив, что тоже, наверное, стал жертвой грибного заговора, он начал прикидывать, в какую сторону возвращаться домой, но вдруг заметил среди стволов просвет и поспешил туда. Перед ним открылась обширная прогалина, странно округлая и неестественно светлая, словно откуда-то сверху, как в театре, бил луч прожектора. Он сделал еще несколько шагов и обмер: поляна была сплошь покрыта грибами. Исключительно белыми! Поначалу у него даже мелькнула странная мысль, будто бы он набрел на остатки древнего городища, наподобие тех, что находят иной раз в индийских джунглях, и перед ним – проросшая травой старинная мостовая, сбитая из темно-коричневых, посверкивающих росой булыжников, необычайно похожих на шляпки боровиков.

И все-таки это были грибы!

Сердце его от радости заколотилось так громко и беззаконно, что стало трудно дышать. Ему пришлось прислониться к дереву и сделать несколько глубоких вдохов животом, как учил

доктор Сергей Иванович. Не сразу, но помогло. Успокоившись, он присел на корточки и вырвал из земли первый гриб – тугой и красивый, именно такой, как изображают на картинках в красочных руководствах по «тихой охоте». Шляпка была лоснящаяся, шоколадная, только в одном месте немного подпорченная слизнем, но ранка уже успела затянуться свежей розоватой кожицей. Подшляпье, которое дед Благушин, помнится, называл странным словом «бухтарма», напоминало нежный светло-желтый бархат, а с толстой ножки свисали оборванные мохеровые нити грибницы, обметанные комочками земли и клочками истлевших листьев. Он долго любовался грибом и наконец бережно положил его в свою большую корзину, предварительно выстелив дно несколькими папоротниковыми опахалами.

Вдруг ему почудились чьи-то далекие ауканья, он вскинулся и застыл, напрягая слух, но ничего не уловил, кроме ровного лесного шума и электрического стрекота кузнечиков, засевавших в ярко-лиловых зарослях недотроги. Нет, показалось... Тем не менее им овладела боязливая, горячая торопливость, словно с минуты на минуту сюда должны нагрянуть толпы соперников и отобрать у него этот чудесно найденный грибной Клондайк. Он заметался по поляне, с жадной неряшливостью вырывая грибы из земли и швыряя их в корзину, становившуюся все тяжелее. Наконец ему пришлось оставить неподъемную ношу на середине поляны, рядом с выбеленной солнцем закорючистой корягой, и собирать боровики в свитер, который когда-то ему связала Тоня. Она в ту пору только-только осваивала (как сама любила выражаться) «спицетерапию», не рассчитала – и свитер получился слишком длинный, бесформенный, годный лишь для леса и рыбалки.

Когда грибы заполняли подол, он подбегал к коряге, ссыпал добычу в корзину и снова собирал, собирал, собирал... В одном месте ему вместо боровиков попала семейка обманчивых молоденьких валуев, он рассмеялся и мстительно раздавил притворщиков каблуком. Наконец на поляне не осталось вроде бы ни одного белого. Внимательно оглядевшись, он опустился возле переполненной корзины, потом, смятая отцветший зверобой, лег на спину и долго наблюдал за плавной жизнью облаков. Высоко-высоко в небе металась, совершая немислимые зигзаги, птицы, похожие отсюда, с земли, на крошечных мошек. Он долго с завистью следил за их горным полетом, пока не догадался, что на самом деле это и есть какие-то мошки, крутящиеся всего в двух метрах от его лица. А догадавшись, рассмеялся такому вот философическому обману зрения.

Внезапно ему пришло в голову, что, если оставить несорванным хотя бы один боровик и дать ему время, из него может вырасти Грибной царь. Он даже вскочил и еще раз пристально обошел поляну: увы, все было собрано подчистую. Ну и ладно! Во-первых, вряд ли удастся снова отыскать это удивительное место, а во-вторых, даже если оно и отыщется, где гарантия, что кто-нибудь не найдет оставленный на вырост боровик раньше? И тогда Грибной царь попадется случайному лесному прохожему!

Он, кряхтя, поднял тяжеленную корзину. От рывка самый верхний белый скатился наземь. Подобрал его и стараясь пристроить понадежнее, он вдруг замер в недоумении: этот последний гриб был точь-в-точь похож на самый первый. И не только размером! Та же лоснящаяся, темно-коричневая шляпка с проединой, затянутой розоватой кожицей, та же светло-желтая бархатная бухтарма, те же белые, обметанные комочками земли и клочками истлевших листьев мохеровые нити, свисающие с толстой ножки. Он внимательно посмотрел на корзину и с тошнотворной отчетливостью понял, что все собранные им грибы абсолютно одинакового размера, цвета и у каждого в одном и том же месте – подживший, затянувшийся след от слизи...

Вдруг ему показалось, будто грибы в корзине еле заметно шевелятся. Пытаясь сомнительной улыбкой развеять глупое наваждение, он решил изучить поднятый боровик и с недоумением почувствовал, как тот чуть подрагивает в руке, словно внутри гриба идет какая-то невидимая, мелочная, но очень опасная работа. Он осторожно разломил шляпку и обомлел:

вся мякоть была пронизана сероватыми червоточинами, однако вместо обыкновенных желтых личинок внутри копошились, извиваясь, крошечные черные гадючки. Ему даже удалось разглядеть нехорошие узоры на спинках и злобные блестящие бусинки глаз. Одна из тварей изогнулась и, странно увеличившись в размерах, прынула прямо в лицо.

Вскрикнув, он отбросил гриб и, не разбирая дороги, забыв про корзину, побежал сквозь чащу. Ветки хлестали по лицу, липкая паутина набивалась в глаза, а папоротник, как живой, наворачивался на сапоги. Споткнувшись о корень, похожий на врытую в землю гигантскую крабью суставчатую клешню, он кубарем скатился на дно оврага, а когда встал на четвереньки и попытался выкарабкаться, с ужасом увидел, как по самому дну лесной промоины вместо обычного ручейка медленно струится странный слоистый туман. Нет, не туман, а густой, удушающий табачный дым, отдающий почему-то резким запахом женских духов. Ему стало трудно дышать, а грудь пронзила жуткая боль, словно кто-то сначала зажал его сердце в железные тиски, а потом с размаху вогнал в него гвоздь. Он рванул на себе свитер и увидел, что множество гадючек, неведомым образом перебравшихся на его тело, уже успели прорыть серые, извилистые ходы под левым соском...

Он страшно закричал и тотчас проснулся.

2

Перед ним в креслах сидели две курящие девицы – блондинка и брюнетка, одетые по-рабочему: лаковые туфли на высоченных каблуках, короткие – по самую срамоту – юбки и воздушные кофточки с глубоким вырезом. Сквозь матовую, полупрозрачную материю, как сквозь запотелое банное стекло, проглядывала загорелая нагота. На одной были черные колготки со змеиным узором, вторая оказалась голоногой.

– Кажется, проснулся! – тихо сказала брюнетка и, отдав подруге длинную дымящуюся сигарету, наклонилась к нему.

Ее лицо бугрилось той нездоровой свежестью, какую сообщает коже недавно наложенный изобильный макияж. Девица погладила проснувшегося клиента по голове и выпустила в него серую никотиновую струйку.

– Не надо! – взмолился он, поняв, что вечер нанес по своему организму чудовищный алкогольно-никотиновый удар.

Блондинка понятиливо усмехнулась и, напоследок глубоко затянувшись, направила табачный дым себе под кофточку, прямо в ложбинку между грудями. Ткнув сигарету в пепельницу с кучей окурков, отвратительно похожих на опарышей для рыбалки, она закинула ногу на ногу – и стали видны маленькие фиолетовые синяки, оставшиеся на бедре от чьей-то требовательной пятерни.

– Жив, папочка? – сочувственно спросила брюнетка.

– Кажется... – вздохнул он.

– Вы так кричали во сне, Михаил Дмитриевич! Мы даже испугались! – сообщила блондинка с недобрим и насмешливым сочувствием.

Девица, конечно же, специально назвала клиента по имени-отчеству, стервозно намекая на некую его постыдную несолидность, свидетельницей, а может быть, и соучастницей которой она стала этой ночью.

– Кричал? Да... Мне приснилось... Чепуха... Грибы со змеями... – сбивчиво объяснил он.

– Вы, наверное, до нас в китайский ресторан ходили? – подбавила ехидства блондинка.

– Почему в китайский? Ах, ну да... – сообразив, кивнул он и с трудом огляделся.

Генеральный директор фирмы «Сантехуют» Михаил Дмитриевич Свирельников лежал в большом гостиничном номере на широкой истерзанной кровати. Из одежды на нем не присутствовало ничего, кроме черных носков, стягивавших щиколотки, которые страшно от этого чесались. Во рту была тлетворная сухость – такую же, наверное, ощутила бы египетская мумия, удивительным образом очнувшись к новой жизни через три тысячи лет. Все тело страдало от ночных излишеств: в голове перекатывалось чугунное ядро боли, сердце колотилось возле самого горла, туда же, кажется, подступала и печень. А душа... душа безысходно маялась утренним позором.

Из провала памяти, точно из адской расщелины, доносились клики давешнего разгула и вырывались подсвеченные грешным пламенем тени содеянного. Теперь оставалось сообразить, как его сюда занесло. Кажется, вчера он помирился с Весёлкиным... Или приснилось? Нет, точно: помирился! Михаил Дмитриевич вспомнил, как ему позвонил Вовико и запел: мол, негоже двум боевым товарищам враждовать из-за каких-то унитафов, мол, пришло время встретиться и, по-мужски поговорив, заключить мир. Без всяких-яких! Свирельников согласился: свара между бывшими компаньонами тянулась давно, всем надоела – да и стоила недешево.

Встречу назначили в ресторане «Кружало», где посреди большого накуренного зала в стеклянном стойле жует сено и помахивает хвостом настоящий ослик, а между столами

мечутся официанты, наряженные под гоголевских парубков. Пили горилку с перцем, закусывали тонко нарезанным, завивающимся, как стружка, салом, солеными пупырчатыми огурчиками и кровяной чесночной колбасой. Вовико от избытка примирительных чувств одной рукой бил себя в грудь, а другой наливал рюмку за рюмкой. Михаил Дмитриевич, размякнув, раз пять заказывал ошарованным бандуристам песню про рушник: ее очень любил и часто певал во хмелю покойный отец:

Ридна маты моя,
Ты ночей недоспала...

Почему отцу, простому русскому, даже, точнее сказать, простому московскому человеку прилюбилась эта хохляцкая песня – поди теперь догадайся! Но ни одно семейное застолье не обходилось без «Рушника». Пил незабвенный Дмитрий Матвеевич редко, но, как говорится, метко: после пения обыкновенно впадал в буйство, стучал по столу кулачищем так, что брызгала в разные стороны посуда, и костерил мать за какого-то давнего, досадебного, но, видимо, добившегося своего ухажера. Обычно, набушевавшись и намучившись прошлым, отец сам затихал, уронив голову на стол. Правда, бывали случаи, когда скликали соседей вязать буяна полотенцами. Несколько дней после этого отец ни с кем из домашних не разговаривал, а потом, придя с работы, молча ставил на стол, в середку скатертного узора, флакон советских духов, чаще всего «Ландыш». Это был знак примирения. Мать прятала счастливую улыбку и разрешала Мише с братом погулять допоздна. Много лет спустя, после женитьбы, переезжая из родительской квартиры, Свирельников во время сборов нашел в диване десяток нераспечатанных «Ландышей», завернутых в старый материнский халат.

Когда отец умер, эти бешеные вспышки запоздалой ревности забылись, а вот любимая песня осталась, и Михаил Дмитриевич слушал ее в прокуренном «Кружале», роняя слезы:

И рушник вышива-а-анный
На щастя, на до-олю дала-а-а...

Когда принесли жареного поросенка, похожего на загадочного застольного сфинксика, Веселкин торжественно объявил, что отказывается от всяких притязаний на «Фили-палас».

- А еще я тебе изобретателя подарю! Тако-ое придумал!
- Какого изобретателя?
- Фантастика! Для себя берег. Бери, без всяких-яких!
- Пусть зайдет.
- Когда?
- Завтра. Вечером.
- Не пожалеешь!

Потом они обнялись и в знак окончательного примирения больно стукнулись потными лбами.

«А может, это тоже приснилось? – засомневался Свирельников и для достоверности поглядел на девиц. – Нет, не приснилось!»

Две вагинальные труженицы являли собой живое подтверждение вчерашнего соединения врагов. После пьяных поцелуев и плаксивых клятв («Если тебе понадобится моя жизнь, приходи и возьми ее!..») Веселкин предложил ослабевшему Михаилу Дмитриевичу закрепить вечную дружбу каруселью с девчонками. Зачем Свирельников, постановивший не изменять Светке, согласился? Зачем? На этот вопрос память, представлявшая собой постыдную невянтицу, ответа не давала.

– Сильно мы вчера?.. – осторожно спросил он девиц, сел в постели, дотянулся и с упоением почесал щиколотки.

– А вы, Михаил Дмитриевич, разве ничего не помните? – надменно ухмыльнулась блондинка.

– Откуда? Папочка вчера такой бухатенький был! – необидно засмеялась брюнетка.

Нет, кое-что он, конечно, запомнил. Например, как вышли из «Кружала» – и ночной город показался колеблющимся роем жужжащих и светящихся насекомых. Потом они мчались в гостиницу в свирельниковском джипе, Вовико оглядывался, показывал пальцем на какой-то упорно следовавший за ними «жигуль» и хитро улыбался, а Михаил Дмитриевич с пьяной обидой уверял восстановленного друга в том, что вообще никого не боится и никакой охраны не нанимал. Веселкин же хохотал и повторял:

– Ты... ты думал, что я... тебя... могу... из-за Филей... пух-пух?! Ну, ты козел! Без всяких-яких!

Еще запомнилась «мамка», доставившая девочек, – строгая и значительная бабенка в кожаной двойке, похожая чем-то на разводящего: «Пост сдан/Пост принят». Пока клиенты оценивающе оглядывали товар, она внимательно осмотрела номер, словно собиралась обнаружить там, кроме двух загулявших приятелей, засаду из дюжины озабоченных мужиков. Потом «разводящая» тщательно пересчитала аванс и заставила Веселкина заменить надорванную пятисотку безупречной купюрой. В завершение, кивнув на улыбающихся девочек, она заученно объявила, что садизм и анальный секс не входят в число гарантированных такой удовольствий.

– А если очень захочется? – хихикнул Вовико.

– Если очень захочется, договоритесь! – уже из дверей ответила «мамка». – Мое дело предупредить, чтобы не было потом... Ну, сами знаете – не маленькие!

– Строгая! – проводив ее взглядом, сочувственно заметил Веселкин.

– Раньше ничего была, – вздохнула брюнетка. – А после Нинкиной свадьбы – озверела...

– А кто есть Нинка? – почему-то с немецким акцентом спросил Вовико.

– Подружка ее.

– В каком смысле? – уточнил он.

– В том самом! – скривила накрашенные губы блондинка.

– А вы тоже подружки?

– В каком смысле? – хохотнула брюнетка.

– В том самом! – заржал Веселкин.

– Мы нормальные! – холодно ответила блондинка.

– А за деньги?

– Да ну вас! – вопросительно посмотрев на напарницу, заколебалась брюнетка. – Только это как в кино будет. Не по-настоящему...

– Я люблю кино! – обрадовался Вовико.

– Нет! – отказалась блондинка.

Свирельников помнил, как Веселкин уговаривал девиц, вынимая для убедительности из бумажника деньги. Брюнетка соглашалась и что-то долго шептала на ухо блондинке, но та сначала только мотала головой. Наконец на ее лице стало постепенно проявляться выражение равнодушной безотказности. Наблюдая переговоры, Михаил Дмитриевич сообразил, что слово «лесбиянки» можно составить, сложив «лес» и «Бианки». Так странно звали писателя, сочинившего книжку «Лесная газета», которую в детстве мама читала маленькому Мише. Однако в тот самый момент, когда блондинка почти уже согласилась показать «кино», обрадованный Вовико подмигнул соратнику с таким глумливым предвкушением, что неуступчивая девица, заметив это, поджала губы, выпятила подбородок и отказалась. Наотрез.

– Тогда раздевайся! – повелел разозлившийся Веселкин.

Блондинка, мелькнув гладко выбритыми подмышками, сняла через голову блузку и, глядя исподлобья, огладила ладонями свои большие, тугие еще, с длинными коричневыми сосками груди. Потом она стряхнула с ног туфли, привычно вышагнула из юбочки и осталась в одних обтягивающих тонкую талию трусиках – спереди трогательно кружевных, а сзади суженных до бретельки, затерявшейся меж богатых ягодич.

– Правда, папочка, она у нас красивая? – спросила брюнетка.

– Угу, – согласился Свирельников, стараясь понять, что же именно не нравится ему в этом почти совершенном теле.

А не нравилась ему, говоря по-армейски, «бэушность» обнажившейся плоти, очевидная с первого взгляда, несмотря на косметику и уход. Когда он после школы попал в армию, под Воронеж, в их Втором Померанском краснознаменном артиллерийском полку вовсю шла борьба с дедовщиной. Незадолго перед этим чеченцы и кумыки до полусмерти, каким-то особенно постыдным образом избили сержанта, призванного из Норильска и пытавшегося обуздать горноаульное безобразие у себя в отделении. Поскольку сержант так и не признался, кто бил, решено было после санчасти откомандировать его куда-нибудь подальше от греха.

Однако за день до выписки он пробрался в казарму и заточкой, изготовленной из автоматного шомпола, убил во сне трех самых отмороженных чеченцев, которых боялись даже офицеры. Парня арестовали и отправили на принудительное лечение, поскольку преступление он совершил, будучи не в себе. Бойцы горных национальностей с тех пор вели себя тише воды ниже травы, потому что с удивлением обнаружили: покладистые славяне тоже могут вот так убийственно сходить с ума. История дошла до министра обороны, сняли командира полка и замполита, а новое начальство, согласно закрытому приказу, объявило неуставным отношениям нещадную войну.

Но тщетно, ведь «неуставняк» не сводился к мордобою или глумлению «стариков» над «салабонами». Существовали еще некие законспирированные традиции и тайные обычаи, украшавшие заунывную службу. Например, уважающий себя «дед» обязан был вернуться на гражданку непременно в новом обмундировании. Зачем? Ведь дома в лучшем случае в чулане повесит, а то еще и ритуально сожжет во дворе для куража и соседской потехи. Но традиция есть традиция. В конце концов, невесты белое платье тоже на один день шьют.

А как добыть новье, если старшина бдит? И вот над старенькой шинелью, прослужившей два, а то и более годков, совершались чудеса обновления: ее отпаривали, вычесывали, дотошно реставрировали... Все это делалось для того, чтобы начальство не заметило подмены, не угадало, что «дембеля» на последнем разводе перед убытием на «гражданку» стоят в новых шинелях, а «салаги», которым еще служить, как медным, – в старых, отреставрированных. И все-таки, несмотря на немалые ухищрения, достаточно было бросить косвенный взгляд, чтобы сразу понять, где «б/у», а где «новье». Вот эта самая неустрашимая, невосполнимая «бэушность» и чувствовалась в теле блондинки...

Тем временем разделась и брюнетка, огорчив ранней обвислостью своих достопримечательностей.

– Ну-с, – по-жеребьячи заржал Веселкин, – приступим к телу! Право первого выстрела предоставляется...

В это время в номер принесли шампанское. Вовико встряхнул бутылку и пенной струей окатил девушек. Брюнетка радостно завизжала, а блондинка посмотрела на выдумщика почти с ненавистью. Остатки допили.

Шампанское на какое-то время снова вырвало Михаила Дмитриевича из реальности, и следующее, что сохранил мозг, – это голый Вовико, с мстительным пытанием осваивающий блондинку. Еще Свирельников запомнил, как брюнетка сидела на полу возле него и, отчаявшись привести пьяного клиента в отзывчивое состояние, рассказывала о своем страшно ревнивом муже, разрушившем маниакальной подозрительностью семью и вынудившем ее, оста-

вив ребенка матери, уехать из Ростова в Москву на заработки. «Недавно приезжал – умолял вернуться!» – сообщила она. «А ты?» – «Может, и вернусь...» – «А он знает, чем ты зарабатываешь?» – «Не-е! Кроме сестры, никто не знает...»

Блондинка, опершись на локти и содрогаясь всем телом от таранных ударов Вовико, прислушивалась к рассказам напарницы и снисходительно усмехалась.

Далее последовала полная самозабвенность, из которой Свирельникова вернул к жизни страшный сон о грибах и дым от сигареты.

– Ну, Михаил Дмитриевич, платить будем? – строго спросила блондинка.

– За что? – удивился он.

– За все!

– А разве не заплатили?

– Нет. Друг ваш только аванс отдал.

– Странно! – удивился Свирельников, хотя это было как раз в стиле Веселкина, воинствующего халявщика. – Сколько я должен?

– Значит, так... – Брюнетка посмотрела на часы. – Сейчас без пятнадцати семь. Сколько за час – помнишь?

– Помню, – соврал он.

– Значит, вы нас взяли в половине двенадцатого. Умножаем на восемь и еще на два...

– Почему на два?

– Нас же двое.

– А-а-а! Ну конечно...

– Вычитаем задаток – получается...

Сумма, названная брюнеткой, оказалась немаленькой.

– Ты хорошо считаешь! – через силу улыбнулся Свирельников.

– Я бухгалтерские курсы окончила, – гордо сообщила девица.

Он поискал глазами свой пиджак и обнаружил его висющим на спинке стула. Догадливая блондинка встала и, покачивая бедрами, отправилась за пиджаком. Михаил Дмитриевич ощутил запоздалую похмельную похоть и сильное сердцебиение. «Проститутка – бактериологическое оружие дьявола!» – вспомнил он любимое выражение доктора Сергея Ивановича и взял себя в руки. Девица, издевательски присев в книксене, подала пиджак. Бумажник явно отошал, из чего Свирельников заключил, что и за ужин тоже пришлось раскошелиться ему.

Ну Вовико, ну жлобиссимо!

Он расплатился. Брюнетка ловко пересчитала деньги, переворачивая и складывая бумажки с бухгалтерской тщательностью. Блондинка тем временем внимательно посмотрела ему в глаза и строго спросила:

– А за вредность?

– За какую еще вредность? – изумился Свирельников.

– За какую? За «анал»...

– За два «анала»! – уточнила брюнетка.

– Я?! – покраснел Михаил Дмитриевич.

– Нет, ты, папуля, даже на «орал» не годился, – по-родственному засмеялась она и обнажила темные кариесные зубы.

При мысли о том, что с этим антисанитарным существом у него что-то было, директор «Сантехюта» почувствовал тошноту, начинавшуюся от ступней.

– Дружок твой постарался! – уточнила блондинка.

– Боевой папашка! – добавила подруга.

– А где он?

– Уехал. Давно. Сказал, жена ждет.

– Какая жена? Он холостой!

– Значит, наврал! – понимающе усмехнулась блондинка.

– Сколько я должен?

– Сколько не жалко...

Он снова полез в бумажник. Девушки обрадованно схватили деньги и заторопились к дверям.

– Эй, постойте! – окликнул он. – А я? Со мной... Что-нибудь было?

– Ничего серьезного! – весело отозвалась брюнетка.

Напарницы переглянулись, приснули, как школьницы, сбежавшие с урока, и скрылись.

3

Свирельников посмотрел на часы: 6:49. Он разрешил себе полежать до семи, потом с трудом поднялся и пополз в ванную. Зеркало подтвердило худшие опасения: то, что еще вчера вечером было лицом неплохо сохранившегося сорокапятилетнего мужчины, превратилось в гнусную похмельную рожу. От мятной пасты, выдавленной из маленького гостиничного тюбика, его чуть не стошнило. Отравленный организм принципиально отказывался от гигиенического обновления и возвращения к здоровой жизни. Конечно, выход имелся: заказать бутылку водки с острой закуской, поправиться и залечь в номере, предаваясь медоточивой похмельной медитации. Но именно сегодня делать это было никак нельзя.

Он доплелся до телефона, долго, с тупой дотошностью изучал гостиничный проспект и наконец позвонил в рецепцию, чтобы выяснить, где находится сауна. Через пять минут ему внесли в номер белый махровый халат, тапочки и запечатанную душевую шапочку. Свирельников искренне порадовался фантастическим переменам в Отечестве. Он прекрасно помнил суровые советские гостиницы, где среди немногих развлечений значились: коллективная вечерняя охота на тараканов и несуетное командировочное пьянство. А если удавалось урвать одноместный номер, то провести мимо дежурной к себе на ночь девушку было нисколько не легче, чем прошмыгнуть обстреливаемую пулеметами контрольно-следовую полосу.

В сауне он оказался один. Принимая душ, Михаил Дмитриевич долго и придирчиво осматривал своего выдвиженца и на основании некоторых внятных опытного мужчине примет постарался убедить себя в том, что, кажется, ничего не было. А вся эта негаданная вакханалия и в самом деле ограничилась для него рассказом о ревнивом муже, исполненным брюнеткой для охмурения клиента и удовлетворения собственной мечтательности. Хорошо бы! Ведь из-за Веселкина ему уже однажды пришлось лечиться. Еще при Советской власти.

В 85-м Свирельников и Тоня как раз вернулись по замене в Москву из Германии и буквально через месяц поссорились. Конечно, не так чудовищно, как в ту чертову новогоднюю ночь, но тоже довольно серьезно. Началось все с обычных упреков: мол, Свирельников совершенно не занимается дочерью, не помогает по дому, а закончилось обвинениями в полной ничемности, которая давно привела бы их семью к жизненному краху, если бы не «святой человек» – Валентин Петрович. Именно он отправил непутевого родственничка после окончания «Можайки» служить не на Камчатку, как предписала комиссия, но в Дальддорф, что в десяти, между прочим, километрах от Западного Берлина. И теперь вот вынужден снова пристраивать его не куда-нибудь, а в Голицыно, в Центр управления полетами!

Наслушавшись всякого, Михаил Дмитриевич обиделся, собрал чемодан и ушел, хлопнув дверью. Мать, Зинаида Степановна, на постой его, конечно, не пустила. К невестке она относилась с опаской и понимала, что Антонина вмешательства в свою семейную жизнь не простит. Поэтому брачный отщепенец осел у одноклассника и друга Петьки Синякина: тот только успел отдать ключи, показать, где перекрывается газ и хранится тайный манускрипт. С тем и отбыл в творческую командировку на БАМ – собирать материал для продолжения романа о молодых гвардейцах пятилетки «Горизонт под ногами».

Оставшись один в квартире приятеля, Свирельников обнаружил в торшерной тумбочке приличный бар и основательно нализался диковинной в ту пору текилой: Петька только только вернулся из Мехико с международной конференции «Молодая литература в борьбе за мир». Потом беглый муж лежал в счастливом расслабоне, слушая магнитофонные записи неведомого, но восхитительно антисоветского барда, обладавшего пронзительным ресторанным баритоном, и листал рукопись Петькиного романа, точнее, неприличную версию этого произведения. Поскольку сочинять книжку про ударников пятилетки было делом занудным,

Синякин для собственного развлечения каждую героическую главу освежал каким-нибудь совокупительным паскудством. Например, если описывалось собрание, на котором бамовцы брали повышенные обязательства, то в самом конце озабоченный автор живописал, как комсомольцы, приняв проект постановления, тут же в зале под руководством старших партийных товарищей буйно предавались свальному греху. А если молоденькая ударница шла набираться передового опыта в соседнюю бригаду, то возвращалась она оттуда, можно сказать, переполненная самыми изощренными сексуальными впечатлениями.

Срамная версия романа хранилась, разумеется, втайне, доступная лишь друзьям, а к публикации в издательстве готовился правильный, вполне соцреалистический и скучный до икоты вариант. Оставляя другу свое сочинение, Петька просил по прочтении убрать манускрипт назад в нижний ящик стола, запереть, а ключик положить в вазочку. Однако Свирельников инструкцию не выполнил, сунул папку на полку, и благодаря этой оплошности Синякин впоследствии прославился, став родоначальником целого направления в литературе.

Утром беглец наслаждался одиноким похмельем, не потревоженным Тониными упреками, читал, томясь мужским одиночеством, Петькину срамоту, а к вечеру заскучал, позвонил матери – узнать, ищут ли его, и на всякий случай оставил свой телефон. Мать клятвенно пообещала сообщить номер Антонине по первому же требованию. Однако жена на связь не выходила, выдерживая характер. К концу третьего дня Свирельников уже совсем затосковал и сам бы вскоре пошел сдаваться, если бы не Веселкин. Он как раз вернулся в Москву из Улан-Удэ, куда его законопатили после «Можайки». Получив от Зинаиды Степановны телефон друга, Вовико позвонил, примчался и обнаружил однокурсника, тоскливо дочитывающего синякинскую порнуху. Пробежав глазами несколько страничек, Веселкин возбудился и со словами «без всяких-яких» куда-то ускакал, а вскоре притащил двух сестричек-лимитчиц. Он познакомился с ними в аэропорту и наврал, будто у него есть на примете квартира, сдающаяся по совершенно смешной цене. За крышу над головой девушки были готовы на все. Это «все», которое Веселкин называл почему-то братанием, удивило Свирельникова культмассовой безрадостностью и изобретательной деловитостью: «Делай раз! Делай два! Делай три!» У Петьки в романе то же самое выглядело гораздо заманчивее, романтичнее, а главное – не вредило здоровью.

Во время братания раздался звонок из Тынды от автора. Синякин взволнованно сообщил, что получил от издателей телеграмму: «Для ускорения подготовки к печати срочно требуется второй экземпляр рукописи!» (Впоследствии оказалось: редактор, едучи со службы в Переделкино, по пьяни забыл роман в электричке.) Петька объяснил, где лежит дубликат, и попросил друга срочно доставить его куда следует. Михаил же Дмитриевич, ошалевший от новых впечатлений и алкоголя, по ошибке схватил с полки папку со срамным вариантом. Когда он ехал в метро и от скуки рассматривал попутчиков, ему мерещилось, будто все они повязаны общей развратной тайной: те, что поугрюмеет, возвращаются с братания, а те, что повеселей, туда как раз и направляются.

Стало тоскливо и захотелось к Тоне, в преданные моногамные объятья.

В издательстве никто его не ждал, рассеянный редактор ушел во внеочередной творческий отпуск. По указанию надменной секретарши Свирельников оставил папку в братской гряде рукописей, которыми был завален бесхозный стол.

Через два дня Веселкин, выпроваживая девиц, объяснил им, что хозяин приготовленной для них квартиры – мужик подозрительный, адрес свой давать никому не разрешает, только телефон. Написав номер на бумажке, Вовико вытолкал сестричек с хамоватой галантностью, какую обычно позволяют себе мужчины по отношению к отосланным женщинам. Вернулся он хохоча.

– Ты чего? – спросил Свирельников.

– А я им дал телефон справочной Киевского вокзала. Там всегда занято...

К Веселкину, естественно, после той «карусели» ни черта не прилипло, а вот Михаил Дмитриевич схватил, научно выражаясь, «специфическую инфекцию», не очень серьезную, но довольно противную. Отомстили сестрички! Но почему-то не проходимцу Вовико, отбывшему к месту новой дислокации в Манино, а неповинному Свирельникову. Какое счастье, что обнаружилось это почти сразу и он еще не успел помириться с Тоней! А тут очень кстати воротился Петька. Опытным взором молодого литератора, собирающего материал для своих книг в самых нездоровых закоулках жизни, он определил заболевание как «гусарский насморк» и отвел товарища к подпольному доктору, пользовавшему неразборчивую в связях творческую интеллигенцию. Тот гарантировал исцеление и, главное, заверил, что никакая информация в кожно-венерологический диспансер, а значит, и к месту службы не просочится.

Пришлось сдавать позорные анализы и горстями пить антибиотики. Тут, в самый разгар лечения, позвонила жена, предлагая мир и дружбу. Недостойно хворый Свирельников изобразил глубоко обиженную личность, которая не может вот так сразу забыть нанесенные оскорбления и просит немного подождать, покуда зарубцуются нравственные раны. Тоня вспылила, снова наорала на него и швырнула трубку. Обрадованный Михаил Дмитриевич понял, что у него теперь есть по крайней мере неделя, чтобы вернуться в брачный секс излеченным.

Синякин тем временем хватился своего тайного сочинения, и Свирельников, помогая товарищу в бесплодных поисках, предположил, что рукопись увез с собой в Манино вредный Веселкин, дабы скрасить серость гарнизонной жизни. На самом деле ему сразу все стало понятно, и он тайком спрятал правильную папку под ванну, подальше от гневных хозяйских глаз. Петька же, собираясь в Дубулты на всесоюзный творческий семинар «Положительный герой молодой литературы», страшно ругался и требовал, чтобы к его возвращению блудливый манускрипт лежал на своем законном месте, в противном случае дружбе конец. Едва Синякин отбыл, Свирельников помчался в издательство, чтобы заменить эротоманский апокриф на канонический вариант, но там ему сообщили: «Горизонт под ногами» ввиду важного общественного значения включен в экспресс-план и передан для срочной редактуры другому, более опытному сотруднику. Это была полная катастрофа...

Страдая, что так гадко подставил друга, Михаил Дмитриевич почти не обрадовался полной капитуляции Тони, не подозревавшей в своем муже такой твердости: все предыдущие ссоры и размолвки заканчивались его покаянием и исправительными внутрисемейными работами. Более того, потом в течение многих лет она, помня тот мужнин уход, старалась не доводить домашние размолвки до серьезных ссор. В общем, иногда заболевания, передающиеся половым путем, укрепляют брак.

Во второй раз он попал в подобную переделку уже со Светкой, не предполагая, что столь юное существо может оказаться носителем инфекции. Но это, как, впрочем, и триумф Петькиного срамного романа, совсем другая история...

Свирельников долго парился в одиночестве: до изнеможения лежал на раскаленном полке, затем, весь в поту, выбегал и опрокидывал на себя жбанчик воды, такой холодной, что все тело на мгновение мертвело. Потом в сауну заглянула удручающе зрелая немка, вежливо пропела «гутен морген», размотала простынку, расстелила ее на нижнем ярусе и раскинулась – неувлекательно голая. Он исподтишка рассмотрел обнаженную даму, заметил на животе шрам, должно быть, от кесарева сечения, и принялся думать о том, что ребенок, родившийся от этой операции, к примеру мальчик, наверное, стал совсем уже взрослым и, возможно, именно в этот момент занимается с кем-нибудь бодрым утренним сексом. А его родительница тем временем лежит в жаркой сауне в чем мать родила рядышком с русским бизнесменом... Это немудреное в общем-то соображение внезапно вызвало у Михаила Дмитриевича яркое, радостное, посещающее человека только с похмелья изумление, почти переходящее в предчувствие скорейшего и окончательного постижения тайного смысла бытия.

После сауны ему стало гораздо легче. Он оделся и спустился в холл. В рецепции с него приветливо слупили не только за номер, но еще за шампанское, шоколад и фрукты, заказанные Веселкиным. (Вовико даже в порыве примирения не поступился своими скобарскими принципами. Ай, молодца!) Деньги у Свирельникова принимала пожилая дама с суровым лицом гостиничной церберши, в давние времена жестоко выгонявшей из номеров робких советских путан и наводившей ужас на озабоченных командированных.

Выдав квитанцию, которую он тут же сообразил провести по статье «представительские расходы», дама щедро улыбнулась и, пригласив заглядывать, протянула визитную карточку:

«МАНОН»

Клуб телесной радости

Исполнение всех желаний в течение часа

Михаил Дмитриевич вышел на улицу и догадался, что находится неподалеку от Патриарших прудов, а блудили они с Веселкиным в гостинице, где в прежние времена селились исключительно делегации дружественных коммунистических и рабочих партий.

Он достал из кармана и включил мобильник с позолоченной передней панелькой и модным нынче сигналом, имитирующим дребезжащий звонок старенького аппарата. Номер этого полусекретного телефона не выявлялся никакими определителями и был известен лишь самым доверенным и нужным людям. Имелась, правда, еще одна «труба», общедоступная, но ее директор «Сантехюта» обычно оставлял водителю, принимавшему необязательные звонки.

Уже рассвело, и рыжее сентябрьское солнце просовывало между тесно стоящими домами холодные утренние лучи. Но прохожих и машин почти не было. Только на противоположной стороне переулка бритоголовый парень, одетый в джинсы и красную ветровку, рылся в багажнике серых «жигулей», показавшихся Свирельникову странно знакомыми.

Решив, что это обычное похмельное «дежавю», Михаил Дмитриевич помотал головой и направился к своему черному лендроверу. Водитель Леша спал, откинувшись в кресле и выставив кадык. Именно так в давнишние годы откидывался, подставляя незащитное горло лезвию, отец, любивший бриться в парикмахерской, несмотря на неудовольствие матери, которая считала это расточительством. Оставаясь один дома, маленький Ишка (так его иногда звали в семье) играл в парикмахерскую: взбивал отцовским помазком в мыльнице пену и брился перед зеркалом плоской, закругленной на концах палочкой, сбереженной от съеденного эскимо.

Свирельников подергал ручку дверцы – заперто. Тогда он постучал по лобовому стеклу. Водитель встрепенулся, открыл глаза, бессмысленно, даже пренебрежительно глянул на хозяина, затем узнал, виновато заулыбался и, окончательно проснувшись, щелкнул замком. Уходя с Веселкиным в номера и думая, что уложится в час-полтора, пьяненький Михаил Дмитриевич приказал ждать, а потом просто забыл позвонить шоферу на мобильный и отпустить домой. Но босс никогда не должен виниться перед подчиненным.

- Ты чего домой не поехал? – строго спросил он, усаживаясь.
 - Так вы не велели, – заробел водитель.
 - Что я тебе не велел? Что я тебе сказал?
 - Жди...
 - А если бы я послезавтра пришел? Ждал бы?
- Леша пожал плечами.

– Позвонить надо было! – наставительно разъярил Свирельников, страдая от собственного занудства.

– Я думал, вы заняты...

– Думаю я! – зло гаркнул Михаил Дмитриевич, потому что в слове «заняты» ему почудилась глубоко упрятанная насмешка. – Звонки важные были?

– Из «Столичного колокола» вас искали.

– Ладно, поехали!

– Куда?

– Домой! Надо же мне после бл...й переодеться!

Когда они отъезжали от гостиницы, бритоголовый как-то особенно посмотрел им вслед и торопливо вскочил в машину. Свирельников сначала забеспокоился, но потом вспомнил майора-пропагандиста, с которым вместе служил в Германии: тому после хорошей пьянки в гаштете мерещились везде агенты НАТО. А замполит Агариков, наоборот, всегда говорил, что бдительность и «бздительность» – вещи разные. Хороший был мужик, смешной! Михаил Дмитриевич улыбнулся и мысленно пообещал организму заслуженный отдых...

4

Уйдя от Тони, Свирельников оставил ей квартиру на Плющихе, а себе подобрал хорошую «двушку» на Беговой в кооперативе творческой интеллигенции «Колорит». На большее после дефолта 98-го денег не было: начинал тогда чуть ли не с нуля, даже новую дачу в «Здравнице» пришлось загнать. Жилплощадь ему продал словоохотливый наследник, похожий на внезапно постаревшего и поседевшего очкастого вундеркинда. Он ради этого прилетел из Америки и по-русски тараторил не то чтобы с акцентом, но с каким-то неуловимым иностранным излишеством. Мебель наследник уже пристроил хорошим людям (на вытертом паркете виднелись большие ровные пятна сохранившегося лака), картины у него оптом купил Чукотский национальный банк (на выцветших обоях темнели прямоугольники). Наверное, не очень-то преуспевая за океаном, он был чрезвычайно доволен совершенными здесь, на бывшей Родине, сделками и весело рассказывал покупателю про своего усопшего деда, прохорохорившегося на белом свете аж девяносто девять лет.

В 21-м году дедуля, тогда юный студент Вхутемаса, во время встречи молодежи с Лениным пробрался к самой сцене и нарисовал вождя. Нарисовал, надо сказать, плохо и совсем не похоже. Но поскольку натуральных портретов Ильича осталось вообще немного, даже и этот неудачный рисунок помещали во все альбомы и иллюстрированные издания. Автора же включали в разные советы и комиссии, принимавшие в эксплуатацию очередной ленинский бюст, памятник или эпическое полотно, должное украсить Дом культуры либо зал заседаний руководящего учреждения. От деда как от очевидца требовалось одно – посмотреть и сказать: похож или не похож. И бывший вхутемасовец жил дай бог каждому! Из ресторанов не вылезал – приглашали, угощали и умоляли: «Будь человеком, скажи; похож!» Сам он почти ничего не писал, разве что изредка для удовольствия баловался советскими ню: «На Днепре. Доярки после смены». Кстати, на Беговой, в кооперативе «Колорит», заслуженный лениноведец оказался потому, что свою пятикомнатную квартиру на Тверской, напротив Моссовета, оставил дочери, зятю и внукам.

– А что с той квартирой? – полюбопытствовал Свирельников.

– Продали еще в восемьдесят девятом, когда в Америку уезжали...

– А дед чего не уехал?

– Не захотел. Сказал: здесь я Ленина видел, а там я кому нужен?

– А в Америке как?

– Негров много. Редкие твари! Но говорить об этом можно только здесь. Там нельзя: политкорректность долбаная!

После 91-го за то, за что до этого выдвигали и холили, деда задвинули. Он, правда, еренился, пытался пристегнуться к новой жизни, даже опубликовал воспоминания о том, какое неприятное впечатление произвел на него Ленин при встрече – маленький, рыжий, суетливый, брызжущий слюной. И теперь, мол, пришло время объявить правду: он, юный вхутемасовец, рисуя, сознательно искажил вождя мирового пролетариата – так сказать, из классовой мести, потому что у них до революции был ювелирный магазин, а большевики все отняли! Старичку позвонили и пригласили в день рождения Ильича на телепередачу, посвященную тому, какой Ленин был, в сущности, всемирно-исторический мерзавец и морально-бытовой сколопендр-двоеженец. Дед в прямом эфире охотно подтвердил и про мерзавца, и про сколопендра, вспомнил даже похотливые взгляды, которые вождь бросал на юных краснокосящих вхутемасовок. Но это не помогло.

Про деда забыли. Навсегда. А как жить? Пенсия никакая. Кормился тем, что присылали родственники из Америки, да по мелочи распродал имущество. Пока не обокрали, пускал на постой приезжих с Белорусского вокзала. Они-то и довели квартиру до полусортирного состо-

яния. Особенно Свирельникова как специалиста поразил унитаз, треснувший в нескольких местах и обмотанный от распада скотчем, бинтами, бумажными полосами для заклейки окон и даже шпагатом, каким в магазинах раньше завязывали коробки с тортами.

Окончив рассказ про выдающегося деда, наследничек объявил цену – такую, что Михаил Дмитриевич обалдел:

– За что?

– За вид.

– За какой еще вид?

Бывший вундеркинд движением фокусника отдернул тяжелую пыльную портьеру. Свирельников обмелел: буквально в двадцати метрах от него, взметая пыль, пронесся запряженный в «качалку» рысак. В глаза бросились вдохновенная беговым азартом лошадиная морда и равнодушное лицо жокея. Окно выходило прямо на ипподром, на взрытую копытами дорожку.

– Ну? – спросил наследник.

– Беру! – тут же согласился директор «Сантехюта».

Покупая квартиру, Михаил Дмитриевич думал, что, сидя у окна и созерцая скачки, он будет иметь регулярный релакс и отдых от своей суеливой предпринимательской жизни, но получилось иначе: уходил он на работу утром, а возвращался за полночь и лишь по воскресеньям ему выпадало насладиться бурной состязательной жизнью ипподрома. Кроме того, он вступил в ту пору жизни и в ту фазу финансового благополучия, когда мужские радости уже не могут и не должны являть собой некую шкодливую внебрачную суету. Богатый человек тем и отличается от малоимущей шелупони, что уважает свои желания, в том числе похоть. Однако девушки по вызову довольно быстро надоели – после них оставалось ощущение какого-то подлого прилюдного самоудовлетворения. (Это чувство после длительного перерыва снова посетило Свирельникова нынешним грешным утром.)

Тогда он решил сменить ориентацию и стал зазывать к себе подпивших на фуршетах вполне приличных бизнес-дам, охотно клевавших на рассказы про уникальный вид из окна. Почти все они потом перезванивали и выражали готовность вновь насладиться из кровати зрелищем мчащихся за стеклом бешеных упряжек и даже сымитировать их постельный вариант. Некоторым Михаил Дмитриевич шел навстречу. Однако и это скоро наскучило. От деловых женщин, самых изошренных и страстных, веяло непреодолимой самодостаточностью. Даже в роскошно бурные мгновенья было не ясно, к чему они на самом деле все время прислушиваются – к назревающему в их разгоряченных чреслах оргазму или к мобильному телефону, оставшемуся в сумочке...

А потом появилась Светка. Все случилось внезапно и буднично: она заехала к нему за деньгами, которые называла «шпионскими», ахнула, увидав в окне мчащиеся упряжки, сообщила, что всегда мечтала ездить верхом, как принцесса Ди, потом выпила немного мартини и без особых смущений оседлала Михаила Дмитриевича. После Светка ходила по квартире голая и рассказывала, что ее всегда тянуло к взрослым мужчинам, а Свирельников ей сразу понравился – с первой встречи.

Дней через десять он забеспокоился и, решив, что застудил простату, когда возил юную подружку купаться в аквапарк, отправился к своему доктору Сергею Ивановичу. Тому хватило одного взгляда, брошенного на предъявителя, чтобы укоризненно покачать головой:

– Ай-ай-ай! Без презерватива?!

– Я думал...

– Как ребенок! Ну разве вы по грязи без ботинок ходите?

– Нет, – сознался Свирельников. – Не хожу...

– А ведь случайные связи – та же грязь! О проститутках даже не говорю: это – бактериологическое оружие дьявола!

– Это не случайная связь! – обидчиво возразил Михаил Дмитриевич.

- Любовь?
- Ну, любовь, наверное, громко сказано... Увлечение.
- Возраст увлечения?
- Две недели. Чуть меньше...
- Дорогой мой, не пытайтесь казаться хуже, чем вы есть! Сколько лет девушке?
- Девятнадцать.
- Студентка?
- Да.
- Опаснейший контингент: в голове и промежности ветер, вагинальный опыт катастрофически опережает опыт жизненный. Когда был контакт?
- Вчера.
- Это последний. А первый?
- Дней десять...
- Скорее всего, хламидиоз, – покачал головой Сергей Иванович. – Разве так можно!
- А что же делать?
- То же самое, что делают другие обеспеченные мужчины. Полюбили, увлеклись, осознали, что душевная склонность требует неременной физической близости, – и сразу же бегом к Василию Моисеевичу. Он берет у девушки экспресс-анализ. Да вас заодно проверяет. Пролечились оба-два, сделали «контрольку», восстановили флору – и безумствуйте ночи напролет! Все серьезные люди давно уже так живут!
- Но ведь девушка может обидеться!
- На что – на гигиену? Если умная, наоборот, порадует: основательный мужчина попался.
- А если она... ну... чиста?
- Как ангел? В литературе такие случаи описаны. Лично я не встречал. Зато знаю другие ситуации. Тут один англичанин ко мне ходит. Привел пассию: влюбился. Проверили: шесть инфекций, хроника с осложнениями. Посчитали: с реабилитацией курс лечения пять штук баксов. Взял он на размышление три дня. Потом позвонил и говорит: нет, она таких денег не стоит. Вот вам западный образ жизни! Пойдемте!
- Сергей Иванович отвел Свирельникова в пристройку. К двери была прилеплена табличка «Центр интимного здоровья». На стульях в коридоре сидели в основном молодые, модно одетые женщины, безмятежные и значительные, словно дожидались они приема не венеролога, а косметолога. Одна даже преспокойно вязала, постукивая спицами. Средних лет пара весело перешептывалась, поглядывая на горной наружности гражданина, который нервно мерил шагами помещение, бормоча под нос проклятья, состоявшие из гортанной невнятицы с частыми вкраплениями русского мата.
- Ну вот, пока очередь подойдет, ваш ангел и подлетит. Звоните! – распорядился доктор.
- Светка примчалась быстро, ничуть не смущаясь, уселась рядом со Свирельниковым и шепотом спросила:
 - Мы болеем?
 - Да, – тихо и сурово ответил он.
 - Из-за меня? – мило нахмурилась она.
 - Скорее всего...
 - Ну, Никеша, скотина!
 - Что?
 - Нет, ничего... Ты меня простишь? Это до тебя было. Честное слово!
- Конечно же он простил. А что ему оставалось делать?

5

...Добравшись до дома, Свирельников отпустил Лешу домой – умыться и позавтракать. У подъезда консьержка Елизавета Федоровна – заслуженный работник культуры и бывшая актриса – кормила на ступеньках бездомных кошек. Истомившись за ночь без человеческого общения, она бросилась к Михаилу Дмитриевичу, объявив хорошо поставленным трагическим голосом, что нынешние режиссеры умеют только уродовать классику, а выпускники «Щуки» не способны даже держать второй план. Директор «Сантехюта» спорить не стал. В этот момент его гораздо больше интересовали серые «жигули», которые медленно проехали вдоль соседнего дома и скрылись за поворотом.

«Нет, это, кажется, не похмельные глюки!» – сообразил он.

Похоже, с самого утра, а точнее даже, со вчерашнего вечера за ним следили! Но кто и зачем?

Торопливо согласившись с Елизаветой Федоровной, что вечный худрук некогда знаменитой «Таганки» впал в очевидный творческий маразм, Свирельников метнулся к лифту. Через мгновение, как по заказу, створки разъехались – из кабинки стремглав выскочила бодрая извилистая такса и, напрягая поводок, потащила на прогулку еще не проснувшуюся толстушку с восьмого этажа. Поднимаясь к себе, Михаил Дмитриевич некоторое время слышал гулкой голос бывшей актрисы, громившей телепередачу «Дог-шоу» за низкопоклонство перед западным собачьим питанием.

Войдя в квартиру и вдохнув родной воздух, Михаил Дмитриевич ощутил долгожданное домашнее расслабление. Наверное, нечто подобное испытывал древний человек, когда, удрав от саблезубого тигра или голодных каннибалов, забивался в свою родную пещерку и чувствовал себя в первобытной безопасности. Свирельников отдернул оконную штору: беговое поле было пустынно. Он сбросил пиджак, осторожно, через голову, чтобы не повредить узел, снял галстук и включил автоответчик. Сообщения были еще вчерашние: загуляв с Веселкиным, он поставил «золотой» мобильник на режим переадресации.

Первой звонила секретарша Нонна. Подчеркнуто официально, но с неуловимой иронической интонацией, какую позволяют себе помощницы, состоящие с шефом в интимной близости, она сообщала, что обтрезвонились из газеты «Столичный колокол» и просили срочно с ними связаться. Дергались они, сообразил Михаил Дмитриевич, скорее всего, из-за неоплаченной рекламы. Это уже случилось, и гендиректор «Сантехюта» злобно наметил: сегодня же накостылять бухгалтерии.

Вторым оказался отец Вениамин. Он душевно поздравлял с Анной Пророчицей, передавал именные приветы дочери, забыв, очевидно, что зовут ее не Анна, а Алена, и напоминал – уже в который раз – про болтики. «Черт! – выругался про себя Михаил Дмитриевич. – Сегодня же надо забрать и отвезти!» – мысленно постановил он. «Пусть Господь посетит тебя Своей милостью! – словно услышав его, обрадовался пастырь. – Ну, храни тебя Бог!»

Третьей была мать. Она достаточно связно прорыдала, что Федька опять запил, и попросила незамедлительно приехать на помощь брату. «Вот мерзавец!» – заскрипел зубами Свирельников, но, почуввав в собственном теле подлую похмельную невнятность, смягчился: надо будет к ним сегодня заскочить.

Четвертым шел Алипанов. «Все в порядке! – спокойно сообщил он. – Передаю трубку...» И тут же в автоответчике забился плачущий голос Фетюгина, который обещал завтра (значит, уже сегодня) в девять часов доставить долг, прямо домой. «Очень кстати!» – обрадовался Свирельников: ему предстояло (если все наконец сложится) занести большую взятку руководителю Департамента, Потом снова заговорил Алипанов: «Позвони, когда все будет в порядке! Жду».

Пятой объявилась Светка: «Ты – врун и обманщик! Я изменю тебе с сантехником! Прямо сейчас!.. Заходите, заходите, молодой человек! Ну конечно же я дома одна. Совсем одна...» От этих слов Михаила Дмитриевича бросило в жар. Нет, не потому, что он поверил в ее смешную угрозу, а оттого, что Тоня почти с такой же интонацией, когда ссорились, полусутоливо-полусерьезно обещала наставить ему рога с каким-нибудь исключительным ничтожеством. Впрочем, и в этом случае он тоже сам виноват: обещал приехать к Светке вечером, еще не зная, что закаруселит с Веселкиным, и обманул. А мог ведь позвонить и соврать что-нибудь про срочные переговоры. Почему не позвонил? Почему? Да, был пьян и вовлечен в непотребство. Ну и что? Все равно надо было набрать и наврать! Это жены бесятся, когда пьяный муж звонит за полночь и с пятого раза выговаривает слово «задерживаюсь». А любовницам, наоборот, нравится: «Ах, он даже в таком виде про меня не забывает!» Конечно, надо было звонить и врать! Ложь украшает любовь, как хороший багет линияющую акварельку. Если мужчина перестает женщине врать, значит, он ею больше не дорожит и скоро разлюбит, если уже не разлюбил.

«Срочно ехать и – мириться!»

Последний «месседж» оказался очень странным: кто-то прерывисто дышал в трубку, и доносился отчетливый автомобильный гул. Звонили с улицы. Потом раздались гудки. Михаил Дмитриевич взглянул на зеленый дисплейчик и обнаружил, что звонок был сделан уже сегодня, минут десять назад, когда он поднимался в лифте. Озадаченный Свирельников еще раз прослушал последнюю запись, но дополнительно ничего, кроме скрипучей милицейской сирены, звучащей в отдаленном машинном шуме, не уловил. Поначалу он хотел сразу же набрать Алипанова и рассказать обо всех этих нехорошествах, но решил дождаться Фитюгина, а потом уже звонить.

Чтобы успокоиться и отогнать мысли о подозрительном «жигуленке», Михаил Дмитриевич несколько раз прошелся по комнате, задержался возле тележки-бара, повертел в руках черного «Джонни Уокера» и даже заранее ощутил во рту теплую освобождающую алкогольную горечь. Но сегодня с утра пить было нельзя. Он нехотя вернул бутылку на тележку и включил телевизор.

Шла шутейная утренняя передача «Вставай, страна огромная!», которую вела развязная дама с фиолетовыми волосами, похожая на Карлсона без пропеллера. Звали ее Ирма. Она сообщила, что сегодня, 11 сентября, по православному календарю день Иоанна Предтечи, и принялась бойко рассказывать про то, как Саломея в обмен на сексапильный танец выпросила у Ирода голову Крестителя...

«А теперь у меня вопрос к директору Института библейской истории, действительному члену АГУ, Академии гуманитарного универсализма, господину Коллибину. – Ведущая на вращающемся кресле резко повернулась к гостю. – Кирилл Семенович, так можно ли утверждать, что именно Саломея заказала Иоанна Предтечу?»

Изнуренное знанием морщинистое лицо академика потемнело в мыслительном усилии, и он медленно, как бы размышляя вслух, заговорил:

«Видите ли, Ирмочка, формально – да, так как именно Саломея, падчерица и одновременно племянница Ирода Антипы, потребовала от него: „Хочу, чтобы ты мне дал теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя!“ И царю, прилюдно поклявшемуся выполнить любую ее просьбу, ничего не оставалось, как послать палачей в темницу. Однако мы должны помнить, что, услышав обещание царя, Саломея выбежала из залы, чтобы, так сказать, проконсультироваться со своей матерью Иродиадой, которая и приказала дочери: проси голову Крестителя!..»

«Ага! – радостно воскликнула фиолетовая ведущая, начавшая уже тосковать и ерзать ото всех этих подробностей. – Значит, Предтечу заказала Иродиада?!»

«Понимаете, Ирмочка, формально мы можем это предположить, – кивнул универсальный академик. – Действительно, Иоанн Креститель решительно осуждал брак царя с Иродиадой, потому что ее первый муж был еще жив. Да и собственная жена царя тоже была жива,

но убежала от него к своему отцу. Поэтому царица питала к Иоанну далеко не дружественные чувства...»

«Как же у них там все запущено! – кокетливо хохотнула Ирма. – Что ж, давайте перейдем...»

«Разрешите закончить мысль?» – попросил Коллибин.

«Покороче!»

«...Иосиф Флавий сообщает, что царь заключил Иоанна в тюрьму, боясь, как бы страстные проповеди не спровоцировали народные волнения. Поэтому мы не можем исключить, что коварный Ирод Антипа, зная ненависть своей жены к Крестителю, сознательно пообещал падчерице выполнить любую ее просьбу, предвидя, какова будет эта просьба. Таким образом, ему удалось откровенное политическое убийство замаскировать под месть оскорбленной женщины. Это был тонкий расчет...»

«Совершенно с вами согласна! – перебила ведущая. – Брак по расчету может оказаться счастливым только в том случае, если расчет был верным. Итак, академик Коллибин считает, что Крестителя заказал царь Ирод! А теперь...»

«Ирмочка! Мы еще не рассмотрели с вами возможный след Синедриона в этом деле. Ведь поначалу Ирод весьма сочувственно прислушивался к советам Иоанна. Однако Креститель, как сказано в Евангелии, „все положил к ногам Иисуса Мессии, которому должно было расти, а ему, Иоанну, умиляться“. А это не могло не вызвать озабоченности влиятельного священничества, которое...»

«Кирилл Семенович, – ненавидяще улыбаясь, оборвала его фиолетовая ведущая, – надеюсь, вы еще не раз придете к нам в студию, и мы, конечно, расскажем телезрителям и про кровавый след Синедриона, и про кровосмесительные нравы того времени, а сейчас пора узнать, как отмечали день усекновения главы Иоанна Предтечи на Руси! И расскажет нам об этом, как всегда, Старичок Боровичок!»

В углу экрана вдруг возникло некое как бы избытое помещение. На фоне авангардно нарисованной печи сидел странный человечек в широкополой соломенной шляпе, похожий на Карла Маркса, из озорства вырядившегося то ли гусяром, то ли бандуристом. Задумчиво облокотившись о настоящую самопрялку и поигрывая резным вальком для белья, он всем своим видом выражал ожидание.

«Боровичо-ок!» – игриво позвала ведущая, глядя почему-то в другой угол экрана.

«Ирма?!» – с готовностью отозвался тот.

«Боровичок, вы в эфире!»

«Иван постный – осени отец крестный! – балагуристо затараторил гусяр. – Иван постный пришел – лето красное увел. Иван Предтеча гонит птицу за море далече! С Ивана постного убирали репу. Однако с этим днем связан запрет кушать все круглое...»

«А это еще почему?»

«А вот почему. Нельзя есть яблоки, картошку, капусту, арбузы, лук, – в общем, все то, что напоминает человеческую голову. Считалось грехом брать в руки нож и резать что бы то ни было...»

«Ой, а я хлеб резала!» – расстроилась Ирма.

«Бог простит! – пообещал Боровичок. – Но я надеюсь, вы сегодня не пели?»

«Нет!»

«И правильно! Ведь запрет на песни и пляски связан с тем, что Саломея именно таким образом выпросила у Ирода голову Иоанна Крестителя. Ирма?!»

«Спасибо, Старичок Боровичок, за подробную информацию! – поблагодарила ведущая и, оставшись в кадре одна, вздохнула огорченно. – Ну что ж, если нельзя петь и плясать, остается послушать последние известия. Казимир?!»

Камера дала общий план, и на том месте, где прежде сидел академик, теперь обнаружился безукоризненно одетый молодой человек с лицом, искаженным какой-то давней, очевидно родовой, травмой. Героический доктор, тащивший его щипцами, и помыслить не мог, что помогает появиться на белый свет будущему телевизионному диктору.

«Ирма?!» – отозвался Казимир, отрываясь от ноутбука.

«Что нового в мире?»

«Сегодня в США пройдут траурные мероприятия, посвященные второй годовщине террористического акта на Манхэттене. В Россию с частным визитом прибывает экс-президент Джордж Буш-старший с супругой Барбарой. Свое турне он начнет с Санкт-Петербурга, планирует также посетить Москву и Сочи и, конечно же, встретиться со своим другом экс-президентом Горбачевым...»

Поняв, что ничего заслуживающего внимания в мире не произошло, Михаил Дмитриевич стал переодеваться, прикидывая, как складывается день. Директор «Сантехюта» никогда не записывал свои планы в ежедневник, но помнил все по минутам – привычка, оставшаяся с армейских времен. В 9.30 для ежемесячного осмотра его ждал доктор Сергей Иванович. Как ни странно, после такой пьянки Свирельников чувствовал себя вполне прилично, если исключить естественную оторопь в организме. Поначалу он хотел позвонить и перенести осмотр, боясь опоздать к следователю или, что еще хуже, не успеть на вручение даров, назначенное на 12.00. Но потом, прикинув и рассчитав расстояния, решил не ломать график.

Михаил Дмитриевич отодвинул зеркальную панель шкафа-«стенли» и, немного поколебавшись, выбрал костюм попроще, так как глава Департамента был чрезвычайно скромн, строг и придиричлив. Ведь чиновник, известное дело, чем больше берет, тем болезненнее относится к наглядной роскоши входящего в кабинет бизнесмена. У него, чиновника, может быть, тоже дома гардероб набит «гуччами» да «версачами», а лишний раз не наденешь – враги только и ждут повода!

Некоторое время Свирельников стоял перед зеркалом, соображая сорочку и галстук. В этом он ничего не понимал, а малолетняя Светка, носившая исключительно джинсы да майки, – тем более. В прежние, семейные времена галстуки ему выбирала и повязывала, разумеется, Тоня – большая специалистка. Сам он так и не научился: полжизни проходил «по форме» с уставной «селедкой», имевшей вечный узел да еще застежку на резиночке – для удобства. Захолостяковав, Михаил Дмитриевич стал наряжаться по наитию, однако сегодня, очевидно с похмелья, интуиция тупо отказывалась участвовать в процессе одевания. И тут ему пришла в голову спасительная мысль – директор «Сантехюта» снова обернулся к телевизору.

«...В Министерстве образования, – докладывал Казимир, – заканчивается прием отзывов на новый стандарт образования, и вскоре он поступит на утверждение в Думу. Программы школьных предметов разработчики постарались максимально насытить знаниями, необходимыми для повседневной жизни. В курс биологии, к примеру, добавили тему „Съедобные и несъедобные грибы“, на уроках географии дети смогут познакомиться с денежными знаками основных стран мира, а в курс математики введена теория вероятности, которая поможет каждому школьнику оценить свои шансы при игре в лотерею...»

На дикторе были сине-полосатая рубашка и стального цвета однотонный атласный галстук. Михаил Дмитриевич выключил ящик и стал рыться в шкафу, проклиная свое невежество и страдая оттого, что вынужден подражать этому деформированному телевизионному щеголю. А куда деваться? Не приучили... Отец сроду галстуков не носил – среди шоферни этого вообще не понимали. При галстукe Михаил Дмитриевич видел его только один раз, когда хоронил. Дмитрий Матвеевич отрулил тридцать семь лет без единого серьезного ДТП, и его, как самого опытного в хозяйстве водителя, отправили в Чернобыль. Чуть ли не в виде поощрения, суки! Что уж он там возил на своем самосвале, кто теперь расскажет? Стал прихварывать. Потом обнаружили рак, прооперировали на Каширке, объяснились с родственниками и отпустили

умирать домой, а ему сообщили, будто опухоль доброкачественная и бояться нечего. Почти до последнего дня он радовался за себя и переживал за соседей по палате (у них-то, в отличие от него, везунчика, рак самый настоящий!) и очень удивлялся, что домашние хоть и разделяют его радость, но как-то неуверенно. К концу он так высох, что мать, которая всегда была против кремации, махнула рукой и сказала: «Жгите! Все равно ничего не осталось...»

6

Свирельников умел завязывать только пионерский галстук. Были такие – из алого шелка, частицы, можно сказать, революционного знамени, обгащенного кровью борцов за лучшее будущее. «Красиво умели детишек морочить!» – подумал он, внутренне напевая:

Вот на груди алый галстук расцвел.
Юность бушует, как вешние во-оды.
Скоро мы будем вступать в комсомол,
Так продолжают школьные го-оды!

А почему, собственно, морочить? Что тут плохого? Ну, партию разогнали, может, и за дело. Ведь никто же не заступился. Никто! И хрен с ней! А пионеров-то за что? Они-то со своими горнами и барабанами кому мешали? Ну и маршировали бы себе дальше, собирали металлолом, бабушек через дорогу переводили, советовались бы там в своих отрядах! Кому это вредило? Значит, вредило! Значит, правильно Федька говорит, что где-то там, в закулисье... Стоп! «Закулисье» – «закут лисий». Тонька бы оценила!.. Так вот, значит, в этом самом «закуту лисьем» решили: не хрена с детства к коллективу приучать, не хрена товарищей-выручальщиков плодить! Человек – волк-одиночка! Нет, сначала волчонок, а потом уже волк! Брат правильно говорит. Вообще, Федька в первый день запоя много правильных вещей говорит. Это потом он уже начинает нести совершенную чепуху, вроде того, что евреи на самом деле никакие не евреи, а засланные из другой галактики биороботы с единым центром управления и задачей подчинить себе человеческую цивилизацию. Лечить надо брата. Опять надо лечить!

Самого Свирельникова, кстати, долго не принимали в пионеры. Во время сбора металлолома он проявил, как выразилась на собрании учительница Галина Остаповна, «хищнические наклонности». А дело было так: в Татарском дворе, возле Казанки, стояла раскуроченная «инвалидка» – трехколесная машинка, из тех, что предназначались увечным фронтовикам. Ветеран, видимо, одиноко помер, а его средство передвижения долго ржавело у забора, летом зарастая огромными московскими лопухами, а зимой превращаясь в сугроб. И вдруг в Краснопролетарском районе объявили соревнования под девизом «Металлолomu – вторую жизнь!». По классам метался старший пионервожатый Илья, похожий на очкастого Шурика из «Кавказской пленницы», и вдохновенно рассказывал, как старый бабушкин утюг или ржавая труба могут превратиться в броню боевого танка и даже сопла ракеты, летящей к Марсу. Но что еще важнее, было обещано: класс, собравший больше всего лома, поедет на Бородинское поле, где до сих пор находят медные солдатские пуговицы и даже побелевшие от времени пули величинной с лесной орех.

Маленький Миша страшно воодушевился и сразу вспомнил про «инвалидку», за которой иногда прятался, играя с друзьями в войну. Однако про нее еще раньше вспомнили мальчишки из 3-го «А», но не смогли даже сдвинуть с места, поэтому поставили часового и побежали за подмогой. Конечно, можно было позвать своих ребят, дать часовому по шее и утащить машину. Но пацаны из 3-го «А» поступили очень хитро: они поручили стеречь добычу Равильке. Грамотное решение, потому что двор назывался Татарским совсем не случайно: в полуразвалившемся флигеле обитала многочисленная и горластая семья дворника дяди Шамиля, большеголового татарина с недобрый взглядом, гонявшегося за мальчишками с метлой, если кто-нибудь обижал задиристого Равиля.

И тогда в голове малолетнего Свирельникова созрел изысканный план. Дело в том, что отец обычно обедал дома – подъезжал на своем самосвале и питался. Миша отыскал ближайший автомат и набрал номер, обойдясь, разумеется, без двух копеек. Этим нехитрым искус-

ством владели почти все мальчишки: когда на том конце провода отвечали, надо было просто придавить рычаг, на который вешается трубка, до первого, еле слышного щелчка. Весь секрет заключался в чувствительности пальцев: чуть передавишь – и отбой. Телефон в их большой коммунальной квартире висел в коридоре, и никто обычно не торопился к дребезжащему черному аппарату, предпочитая, чтобы это сделали соседи. Но Мише повезло – трубку снял Григорий Валентинович, пожилой холостяк, работавший бухгалтером на «Физприборе», в двух кварталах от дома. Иногда в обеденный перерыв он со своей сослуживицей забегал попить чаю, и наивный Свирельников никак не мог понять возмущение матери, которая была яростно убеждена в том, что молодая замужняя женщина не имеет никакого личного права пить чай наедине с товарищем по работе, тем более таким старым.

Итак, Григорий Валентинович снял трубку и сообщил, что Дмитрий Матвеевич только-только закончил обед и спустился к машине. Миша взмолился:

– Дядя Гриша, верните папу!

Сосед с явным неудовольствием согласился.

– Что сотряслось? – минут через пять раздался в трубке отцов голос.

Он всегда говорил именно «сотряслось», а не «стряслось». И уж конечно, не от бескультурья, потому что вырастила его бабушка, до революции служившая гувернанткой в хороших семьях. Однажды Миша даже спросил отца, почему тот не стал учиться дальше, а пошел шоферить. Дмитрий Матвеевич, улыбаясь, ответил, что на трассе есть знаки и указатели, на крайний случай – регулировщики, а вот в других профессиях, особенно умственных, полный бардак и безответственность. Но откуда взялось это самое «сотряслось», он у отца так ни разу и не поинтересовался. Жаль, ведь за любимыми, смешно переименованными словечками скрываются обычно какие-нибудь незабываемые жизненные обстоятельства. И кто знает, может, там, в посмертных эфирных скитаниях, души узнают друг друга именно по этим, переименованным словечкам.

«Что сотряслось, сынок?» – спросит, быть может, бесплотного Свирельникова ступок света, похожий на промельк противотуманных фар, выскочивший из-за поворота раньше самого автомобиля.

«Это ты, папа?»

«А кто же еще!»

И они сблизятся и сольются, как два солнечных зайчика, пущенные разными зеркалами...

Михаил Дмитриевич поежился от холодного похмельного морока, пробежавшего по телу, и успокоился, вспомнив, что видел нечто подобное недавно по телевизору в «Засекреченных материалах».

В общем, отец спросил, что «сотряслось», а Миша горячо и радостно рассказал про бесхозную «инвалидку», которую надо подцепить к грузовику и подтащить к школе, – тогда весь их класс поедет на Бородинское поле. Отец, поколебавшись, согласился. Теперь оставалось избавиться от Равильки. И малолетнего хитреца снова осенило. Им овладело чувство веселого могущества, когда все придумывается и ладится так легко, словно этот мир – часть тебя, твой молодой, бодрый, послушный орган. Подобное состояние за жизнь нисходило на него всего несколько раз. А в тот день – впервые, наверное, потому и запомнилось так крепко.

Миша набрал «02» и вполне испуганным голосом доложил «дяденьке милиционеру», что в Татарском дворе возле шестого дома дерутся пьяные. Дежурный, даже не переспрашивая, бодро ответил: «Высылаем наряд». Он свое дело знал: Татарский двор был общеизвестным местом мордобоя и других антиобщественных поступков. В длинной желтой пятиэтажке, тянувшейся вдоль Балакиревского переулка, жили еще с довоенных времен серьезные люди из Наркомата путей сообщения. А в бараках, отделявших двор от автохозяйства, обитали грузчики и ремонтники с Казанки. По праздникам работяги пьянствовали и дрались между собой.

Насельники желтого дома смотрели на это отчужденно-печально, в особо кровавых случаях вызывая милицию.

Получив от дежурного обнадеживающий ответ, Миша покинул будку и, торопливо проходя мимо Равильки, бросил так, между прочим: мол, соседи узнали, что пионеры собираются спереть «инвалидку», и вызвали милицию. Татарчонок лишь презрительно ухмыльнулся: мол, с помощью такой дешевой дезинформации «бэшникам» не удастся заполучить вожаемую поездку на Бородинское поле. Свирельников буркнул «как знаешь» и скрылся в кустах сирени, оставшихся тут еще с давних, палисадных времен. «Органы» в те годы работали споро, да и отделение располагалось недалеко: через несколько минут во двор лихо въехал наряд на тарактящем мотоцикле с коляской. Равиль бросился наутек. Милиционеры оглядели двор, пожалы плечами и, решив, наверное, что драка умордобоилась сама собой, утарахтели.

Едва они скрылись, во двор, рыча и наполняя округу серыми, вонючими выхлопами, вполз самосвал. Отец выпрыгнул из кабины, дал сыну ласковый подзатыльник и обошел «инвалидку», оглядывая это транспортное ничтожество с превосходством человека, который водит огромный, могучий грузовик.

– Ругаться не будут? – спросил он.

– Нет! Она ничейная! – искренне соврал сын.

Дмитрий Матвеевич достал трос, подцепил «инвалидку» и кивнул: садись. Миша очень любил ездить с отцом, и тот, зная это, иногда баловал. В кабине пахло бензином и маслом, а все остальные машины сверху казались маленькими суетливыми подданными высокородного ЗИЛа. Оставляя на асфальте скрежещущий след, они потащили добычу к школьному двору. И надо же было случиться, чтобы навстречу им попался тот самый мотоциклетный наряд, решивший, наверное, на всякий случай, раз уж вызвали, пропатрулировать округу. Старшина махнул рукой, и самосвал покорно прижался к поребрику, а «инвалидка» осталась посреди неширокого Балакиревского переулка. Дмитрий Матвеевич спрыгнул на землю и посеменил с той показательной виноватостью, какая бывает только у нашкодивших собак, укоряемых хозяевами, и у проштрафившихся шоферов, остановленных стражами закона.

– Куда тащим? – спросил старшина.

– Вот, пионерам помогаю...

– А! – улыбнулись милиционеры, видимо, осведомленные о металлоломном мероприятии в районе.

Сзади засигналили машины, которым «инвалидка» перегородила путь. Старшина успокаивающе поднял руку.

– Давай за нами! – приказал он.

Они медленно подползли к перекрестку, свернули с Балакиревского в Переведеновский и вот так, предводительствуемые мотоциклетным нарядом, въехали в школьные ворота. А там, на спортплощадке, уже высилось несколько холмиков железного лома, из которых торчали шесты с табличками: 3 «А», 3 «Б», 4 «А», 4 «Б»... И так до самых десятых классов.

Навстречу грузовику, волокущему «инвалидку», с криками побежали ребята.

– Принимайте! – козырнул старшина, по-ковбойски привстав на сиденье.

Отец отсоединил трос, убрал его и, подмигнув сыну, полез в кабину: не хотел, очевидно, мешать триумфу. Самосвал взревел, осторожно сдал назад, объезжая «инвалидку», и выполз в Переведеновский, перегородив узенький переулок.

Дмитрий Матвеевич выправил машину и уехал в сторону Спартаковской площади.

Под ликующие крики друзей Миша сдал победный лом. «Инвалидку» подхватили множество рук, потащили, взгромоздили – и куча 3-го «Б» сразу стала выше остальных. Старший вожатый Илья торжественно поднял вверх Мишину руку, словно победителю-боксеру. Все поздравляли, а девчонки широко раскрытыми глазами смотрели на героического ломодобытчика, чей отец к тому же работает на огромном грузовике...

По традиции на следующий день к стенду у раздевалки должны были прикрепить красочное объявление о том, какой класс собрал больше всех и, следовательно, поедет на Бородинское поле. Однако утром Миша объявления не обнаружил, и у него появилось нехорошее предчувствие, а потом его прямо с урока вызвали к директору.

«Это за махаловку!» – успокаивал он сам себя, спускаясь с четвертого этажа на первый.

В те годы в школу ходили исключительно со сменной обувью, которую носили в сатиновом мешке на длинной стягивающей горловину веревке. Мешки оставляли внизу на вешалках. Поздней весной и ранней осенью, пока не подспели пальто и курточки, раздевалка напоминала фантастический лес, где на никелированных ветвях висели сотни сатиновых мешков, похожих на сморщенные почерневшие груши.

Часто, усидевшись на уроках, мальчишки устраивали «махаловку», отдаленно напоминая рыцарский поединок из кинофильма «Крестоносцы»: портфель служил щитом, а мешок с тапочками – молотильным оружием, обрушивавшимся на соперника. Обычно махались, уже выйдя из школы, во дворе. Но накануне Миша схватился с Петькой Синякиным прямо в вестибюле, едва переобувшись. Именно в этот момент появился директор – суровый седой железнозубый Константин Федорович, всегда ходивший в одном и том же коричневом двубортном костюме с орденскими планками.

– Свирельников и Синякин! – Он знал по фамилиям всех учеников. – Отставить! Я с вами еще поговорю! Тоже мне – лыцари!

– А почему «лыцари»? – спросил любопытный Петька.

– Потом объясню! – сурово пообещал директор.

Но, едва войдя в кабинет, Миша понял, что «махаловка» тут ни при чем. Константин Федорович нервно шагал из угла в угол, курил папиросу, а в гостевом кресле, солидно развалившись, сидел тщедушный лысый гражданин в очках.

На его лацкане испуганный Свирельников сразу заметил красно-голубой флажок и, даже не зная, что это за значок, детской интуицией понял: в нем-то, флажке, вся и беда.

– Ну, Свирельников, рассказывай! – сурово потребовал директор.

– Что?

– Не догадываешься?

– Не-ет...

– Наглец! Рассказывай, как ты товарищей обманул и обокрал!

– Я не обманывал, – покраснел Миша.

– Па-азвольте, молодой человек! – вступил в разговор значкастый. – Вы сказали представителю 3-го «А» класса, что соседи запрещают вывозить инвалидную мотоколяску на металлом. Не так ли?

– Я не говорил... – растерялся победитель соревнования, почувствовав в этом странном обращении на «вы» страшную опасность.

– Может быть, вам устроить очную ставку с Равилем?

– Не врать! – грозно проговорил директор, тяжело дыша. – Говорил или нет?

– Говорил... – кивнул Миша, знавший, что такое «очная ставка», по фильмам об угрозыске.

– Зачем?

Маленький и жалкий, Свирельников молчал и, глядя в пол, от безысходности просверливал пальцем дырку в кармане.

– А я скажу зачем! – с каким-то глумливым сочувствием покачал головой значкастый. – Чтобы присвоить себе то, что принадлежит другим. Разве ты нашел эту «инвалидку»?

Миша промолчал и лишь чуть заметно помотал головой: в этом внезапном переходе на «ты» сквозила еще большая угроза.

– Правильно! Первым нашел ее мой сын... Точнее сказать, первым догадался сдать в металлолом. Мы живем напротив. – Он объяснительно повернулся к директору, продолжавшему шагать из угла в угол. – Я специально опросил соседей – и никто не возражал. А ты, мальчик, сподличал! Ведь сподличал?

– Отвечай, когда тебя спрашивает депутат районного совета! – гаркнул директор. – Ты нашел первым?

– Нет, не я... – еле слышно промолвил Миша.

– Громче!

– Не я... – повторил он срывающимся голосом.

– А ты знаешь, мальчик, как это называется? – ласково спросил значкастый.

– Не знаю...

– Я тебе скажу: это называется подлый антиобщественный поступок! – торжественно объявил депутат. – А еще ты втянул в это преступление своего отца. Отца тоже надо бы вызвать! – Он повернулся к директору.

– Вызовем! – решительно пообещал Константин Федорович.

– Я для класса... – начал оправдываться Свирельников и заплакал. – Не надо отца... Он думал, она ничейная...

– Ну вот, и папу ты обманул! – всплеснул руками депутат. – А ведь ты лгун!

– Позор! – багровея лицом, зарокотал директор. – Стыд, Свирельников, и позор! Класс ты опозорил и подвел. А ты знаешь, что и без твоей «инвалидки» из младших классов вы больше всех собрали? Знаешь?

– Не-ет...

– Так вот знай! Но из-за твоего поступка на Бородинское поле поедет теперь 3-й «А». Иди! Постой! Телефон дома есть?

– Есть... – не посмел соврать Миша.

– Диктуй!

– Б-6-84-69...

Константин Федорович, скрипя самопиской, быстро чиркнул номер на листочке, а значкастый удовлетворенно кивнул.

На следующий день Свирельникова прорабатывали в классе. То, что его клеймили за антиобщественный поступок девчонки, еще недавно им восхищавшиеся, полбеда: эти всегда готовы шумно разочароваться во вчерашнем герое. Но потом к доске стали выходить друзья и, медленно подбирая какие-то чужие, газетные слова, обвинять его «в индивидуализме». А когда обличать вызвался лучший друг Петька Синякин, Свирельников не выдержал и заплакал. Учительница Галина Остаповна (по прозвищу «Гестаповна») наблюдала за всем этим со строгим умилением дирижера, который после долгих репетиций добился слаженности оркестрантов. Выслушав последнего проработчика, Гестаповна поднялась из-за стола во весь свой недамский рост, одернула плотно облегающий ее костюм «джерси» и громко объявила, что позор смывают не слезами, а делами, и предложила проголосовать за то, чтобы не принимать злоумышленника в пионеры. Руки взметнули все, кроме Нади Изгубиной, в которую Миша был тогда секретно влюблен.

– Ты воздержалась? – возмущенно удивилась учительница.

– Да, – ответила девочка, потупившись.

– Почему?

– По-моему, Свирельников уже раскаялся... – тихо ответила она.

Воцарилось молчание. Скорее всего, оттого, что никто из третьеклассников еще просто не знал такого слова – «раскаялся». А если и знал, слышал, то еще никогда не произносил сам.

– Не раскаялся, а распустился! Садись! – обозлилась Гестаповца.

В общем, постановили: в пионеры похитителя «инвалидки» не принимать, хотя он уже сдал 80 копеек на галстук и даже выучился отдавать салют. Поначалу Миша не обратил на это внимания, так как весь был поглощен ожиданием куда более страшной катастрофы – вызова в школу отца. Он даже спрятал в диван армейский ремень, справедливо рассудив, что Дмитрий Матвеевич, пока будет искать инструмент возмездия, немного остынет, а тут еще, привлеченная шумом, вмешается мать. В результате наказание, возможно, окажется не столь суровым.

В течение недели всякий раз, когда из коридора доносилось дребезжание общественного телефона, Миша вздрагивал, и по телу разбегались отвратительные мурашки, но из школы никто не звонил. Измученный ожиданием, он даже уже собрался сам все рассказать отцу, надеясь честным признанием облегчить свою участь. Но Дмитрий Матвеевич за воскресным обедом с таким удовольствием рассказывал родне о том, как они под почетной охраной милиции тащили «инвалидку», что Миша отбросил самоубийственный вариант раскаянья. Оставалось покорно ждать рокового звонка...

Через несколько дней весь класс, кроме Свирельникова, уже пижонил в алых галстуках. Мальчишки восторженно вспоминали Музей Калинина, где их принимали в пионеры, и особенно, конечно, маленький личный браунинг всесоюзного старосты, выставленный в витрине. Но самым обидным оказалось другое: Гестаповна велела Мише остаться после уроков, вынула из клеенчатой хозяйственной сумки (она всегда приходила на уроки с сумкой) завернутый в газету новенький галстук и отдала:

– Вот, пусть пока у тебя полежит. Назад не берут... Только носить не смей!

По утрам он перед зеркалом тщательно повязывал галстук, стараясь, чтобы узел вышел квадратным и без морщин, а заостренные концы равнобедренно свешивались по сторонам. Потом шел по улице, распахнув пальто, дабы все видели его пионерскую принадлежность, и только если навстречу попадался кто-то из одноклассников, быстренько застегивался. Лишь около школы, за углом, он снимал галстук и прятал в портфель.

Отца директор так и не вызвал.

Примерно месяца через три, когда случай с «инвалидкой» почти забылся, в класс заглянул Константин Федорович. Он любил обходить школу во время занятий: внезапно открывалась дверь, в проеме возникал директор в своем неизменном коричневом костюме и делал рукой успокаивающий жест учителю, собиравшемуся подняться для приветствия класс: мол, ничего, продолжайте. Потом он внимательно оглядывал помещение и учеников, а перед тем как удалиться, хмуро или добродушно кивал. Если хмуро, то учителя, страшно его боявшиеся, урок уже продолжать не могли, а давали какую-нибудь наскоро придуманную самостоятельную работу, чтобы собраться с мыслями и вычислить, за что им будет устроен разнос на ближайшем педсовете.

Константин Федорович умер от инфаркта, когда Свирельников учился в седьмом классе. В школе делали ремонт – и пропала большая бочка половой краски. Директор, узнав про это, страшно кричал на лепетавшего что-то невразумительное завхоза, тряс его за грудки, потом пил таблетки и был после второй перемены увезен «скорой помощью». Поначалу гроб хотели выставить в актовом зале, чтобы вся школа могла проститься, начали сколачивать помост и привезли лапник, отчего классы пропахли хвоей. Но вдруг примчался значкастый и объявил, что вид мертвого директора может нанести его сыну, а также другим детям непоправимую психическую травму, – и дело ограничилось траурным митингом возле большой фотографии с черной ленточкой. С портрета лихо смотрел молодой командир с грудью, полной орденов. Выступали не только учителя, «значкастый», начальник из РОНО, но и однополчанин ушедшего, служивший с ним в дивизионной разведке и рассказывавший о необычайной храбрости и хладнокровии, которые проявлял Константин Федорович, отправляясь в тыл врага. Миша так и не сумел понять, как это хладнокровный разведчик мог помереть из-за украденной краски.

«Значкастого», сильно постаревшего, но бодрого, Свирельников увидел через много-много лет, совсем недавно, – по телевизору. На лацкане у него снова был депутатский флажок, только другой формы, и он прочувствованно рассказывал двадцатилетнему лохмачу-ведущему о том, как трудно, но мужественно и благородно жила наша научная интеллигенция под железной пятой коммунистической деспотии. А лохмач кивал в ответ с таким пониманием, будто и сам только-только вылез из-под пресловутой пяты.

Но это произошло много позже, а тогда живой и бодрый Константин Федорович заглянул во время урока в 3-й «Б», с удовольствием осмотрел красногалстучный коллектив, но, заметив Свирельникова, вдруг помрачнел, тяжело глянул на учительницу и резко вышел из класса. Гестаповна от огорчения осела на стул, и до конца урока все самостоятельно учили басню про квартет. А после уроков Мишу срочно вызвали на совет дружины, где старший пионервожатый Илья деловито спросил:

– Галстук есть?

– Есть! – Миша полез в портфель и вынул оттуда свою законную частицу красного знамени, пропитанного, очевидно, не только кровью борцов, но и слезами незаслуженно обиженных.

Вожатый повязал ему галстук, пожал руку и призвал:

– Будь готов!

– Всегда готов! – сглотнув подступивший к горлу комок, ответил мальчик и качественно отсалютовал.

Вскоре Константин Федорович встретил опиионеренного Мишу в коридоре, остановил, поправил сбившийся набок галстук и спросил, пристально глядя в глаза:

– Ты все понял?

– Все...

– А милицию тогда ты, что ли, вызвал?

– Я...

– Ишь ты, смысленый! В армии в разведку просись!

Собственно, это очень важное для его жизни воспоминание прошмыгнуло в сознании Свирельникова, когда он в задумчивости разглядывал галстуки, выбирая похожий на тот, что повязал себе телевизионный уродец Казимир. Прошло уже немало времени, как Михаил Дмитриевич ушел от жены, а узлы были еще завязаны ею – многие залоснились. И директор «Сантехюта» вдруг до звона в ушах изумился непостижимой хитросплетенности жизни. Первая любовь – Надя Изгубина, отважно защищавшая его от Гестаповны, после четвертого класса ушла в спецшколу, и больше они никогда не виделись. Через много лет, познакомившись с Тоней, Свирельников на мгновение решил, что перед ним повзрослевшая, похорошевшая Изгубина. Он даже назвал ее Надей. Возможно, именно это сходство и стало неизъяснимым поводом к любви и почти двадцатилетнему совместному бытию, от которого остались дочь и вот эти галстучные узлы, да еще иногда накатывающее после пробуждения чувство неумолимой жизненной ошибочности, исчезающее обычно во время бритья...

Как говаривал замполит Агариков, жизнь любит наоборот.

7

Ровно в девять раздался истерический звонок в дверь.

«Ну и какого хрена я плачу этой старой суфлерской будке?! – возмутился Свирельников. – Ведь так любая сволочь может зайти в дом и натворить черт знает чего!»

Согласно договору, который заключило домовое товарищество с Елизаветой Федоровной, она обязана была каждого незнакомого посетителя спрашивать, в какую квартиру он направляется, а потом по внутренней связи непременно выяснять, ждут ли его в этой самой квартире. Однако из-за нездоровой любви к бездомным кошкам и столь же нездорового желания оповестить каждого входящего и выходящего жильца о необратимом кризисе современного театра эти обязанности выполнялись ею отвратительно. Среди жильцов созрело и даже перезрело недовольство небдительной консьержкой. Ее давно бы выгнали, но этому препятствовали два обстоятельства. Во-первых, дом населяли в основном деятели культуры, та особенная разновидность человечества, которая в искусстве может быть сурова до сокрушительности, сметая системы и режимы, но в частной жизни предпочитает улыбчивую интригу с гадостями за спиной и комплиментами в лицо. Во-вторых, все знали, что именно Елизавета Федоровна довела до рокового сердечного приступа художественного руководителя своего театра. В результате никто так и не решился высказать ей претензии...

Звонок повторился – в нем дребезжали ярость и бессильная обида.

«Ну, я-то не засрак! Я-то ей все сегодня скажу!» – сам себе пообещал Михаил Дмитриевич и пошел открывать.

На пороге стоял Фетюгин, похудевший, даже полысевший от переживаний. Благородно кивнув и не подав хозяину руки, он прошел на негнущихся ногах в квартиру, молча шлепнул на стол кейс, отщелкнул крышку, достал черный полиэтиленовый пакет и вытряхнул тринадцать десятитысячных пачек в банковской упаковке.

– Вот! – вымолвил Фетюгин, при этом лицо его обрело совершенно эшафотное выражение.

– А еще десять кусков? – строго спросил Михаил Дмитриевич.

– На следующей неделе. Аренда подойдет...

– Напоминальщики присылать больше не надо?

– Не надо, – с плаксивой твердостью ответил должник. – Зачем ты так?!

– Как?

– Не по-людски!

– А полгода от меня прятаться – по-людски?

– А если я попал? Что тогда?

– Ты попал – твои проблемы. Я тебя предупреждал: дом подозрительный. Но ты же умней всех! А почему я должен из-за тебя попадать? Ты брал у меня на полгода. Сегодня какое число? Какое, я тебя спрашиваю?

– Одиннадцатое...

– Правильно. Месяц какой?

– Сентябрь.

– Вот именно!

– Все равно не по-людски, – тихо произнес Фетюгин. – Квартиру... новую... только ремонт сделал... даром отдал... – Он махнул рукой, всхлипнул и, пошатываясь, пошел вон.

– Прятаться не надо! – вдогонку крикнул Свирельников и ощутил совестливое неудовольствие собой.

Фетюгин занял у него под проценты приличную сумму, а когда пришло время возвращать, начал динамит самым наглým образом: прятался, ложился в больницу, уезжал за

границу, отключал телефоны... Конечно, не из вредности: по случаю купив на Каланчевке выселенный дом, он хотел переоборудовать его в склад-магазин, а зданье оказалось с обременением. Ни туда ни сюда... Тяжелый случай. Каждый может так попасть. Если бы Фетюгин пришел и честно повалился в ногах, Михаил Дмитриевич, может быть, и потерпел бы – процент-то идет. Но игра в прятки возмутила его до глубины души, и он попросил Алипанова поторопить мерзавца. Поторопили его вполне убедительно: отловили возле квартиры, которую тот втихаря снимал в Печатниках, дали подержать «магнум», а потом объяснили, что ствол рабочий. Если в течение недели долг не будет возвращен, запросто можно, не сделав ни единого выстрела, стать знаменитым киллером, за которым давно охотится весь МУР.

Вот деньги сразу и нашлись.

Но Фетюгина, хнычущего, разорившегося, ничтожного, все равно было жалко. Нечто похожее чувствуешь, например, к уличному калеке, ведь и ты в любой момент можешь стать таким! Зацепить спяну от проститутки какой-нибудь жуткий вирус... Или попасть под машину – и сделаться недвижимым, беспомощным, гадающим под себя бревном. Или, пока эта старая театральная зараза кормит своих кошек, получить в подъезде по голове – и превратиться в хихикающего идиота, вроде Гладышева. А ведь какой был звездный мальчик: МГИМО, три языка, ушу, теннис, пенис, жена – бывшая «Мисс Удмуртия»! На всех гламурных обложках:

Виталий Гладышев – секс-символ русского среднего бизнеса.

Империя закусовых «Русский чайник» Виталия Гладышева.

Торжественное открытие первого «Русского чайника» в Лондоне.

Ну и что? Ничего. Ладно бы еще за дело, а то просто перепутали в подземном гараже с каким-то кидалой, съездили по голове бейсбольной битой – и вот вам пожалуйста: перелом основания черепа, паралич, потеря памяти и слюнявое недоумение на всю оставшуюся жизнь. Чайниковую империю, ясное дело, тут же растащили друзья-соратники. Обобрали до нитки. Ничего у Гладышева не осталось – одна «Мисс Удмуртия». Декабристка: возит мужа в коляске, кормит с ложечки и соплю утирает. А вот интересно: если бы, не дай господи, с ним такое случилось – Тонька возила бы в коляске? Наверное, все-таки возила бы! А Светка – нет, Светка до ближайшей помойки...

«Может, это Фетюгин нанял бритого в „жигуленке“? Чтобы не отдавать...» – невпопад подумал Свирельников и даже вспотел от этой простой мысли.

Но тогда почему вернул деньги? Или, как Гладышева, с кем-то перепутали? Нет, без специалиста не разберешься!

Михаил Дмитриевич набрал номер.

– Алло! – после первого же гудка отозвался Алипанов.

Впрочем, он говорил не «алло», а какое-то насмешливое «аллю». И даже не «аллю», а скорее «аллэу!».

Голос у него был низкий, неторопливый, с южным оттенком и мягким «г». С «г-фрикативным», как сказала бы Тонька.

- Это я. Все в порядке! – доложил Свирельников. – Отдал. За ним еще десятка осталась. Обещал на следующей неделе.
- Ну вот, а ты боялся!
- Готов соответствовать.
- Давай завтра. В обед.
- А если сегодня? Есть проблемы.
- Что такое?
- Сам не пойму...
- С Фетюгиным?
- Нет, со мной.
- Серьезные проблемы-то?
- Если мне с похмелья не мерещится, то – серьезные.
- Та-ак, – задумался Алипанов. – В десять где будешь?
- В поликлинике.
- Заболел?
- Профилактика.
- Все болезни от профилактики. Где поликлиника?
- Большой Златоустинский переулок.
- Что-то знакомое...
- Это как от Маросейки идти к Мясницкой. Слева по ходу будет арка...
- погоди! Златоустинский... Как он раньше-то назывался?
- Большой Комсомольский.
- Так бы сразу и сказал: иду по Большому Комсомольскому от Богдана Хмельницкого к улице Кирова... Слева арка. Дальше?
- Проходишь через арку и видишь дом с колоннами. Это поликлиника. Я тебя у клумбы, на лавочке буду ждать.
- Договорились. А что, Фетюгин здорово вибрировал?
- Здорово.
- Это хорошо!

8

Михаил Дмитриевич познакомился с Алипановым, когда тот еще служил на Петровке и примчался с бригадой расследовать обстоятельства жуткого взрыва, погубившего Валентина Петровича, мужа покойной Тониной тетки Милды Эвалдовны. Погибший был без преувеличения «святым человеком», чутким, как писали в советских характеристиках, отзывчивым и до оторопи морально устойчивым. Работал он в отделе культуры ЦК партии, собирал сувенирных зайчиков, а по выходным, выехав на казенную природу, читал по-английски детективы. Когда в 91-м его буквально пинками вышибли из кабинета на Старой площади, а заодно и со служебной дачи, у него, вдового и бездетного, не осталось ничего, кроме квартиры в хорошем доме на Плющихе и любимой коллекции.

Милда Эвалдовна умерла незадолго до Перестройки. Ее положили в кардиологическое отделение «Кремлевки» на обследование и занесли жуткую инфекцию – синегнойную палочку. Потом выяснилось: медсестра мухлевала с одноразовыми шприцами – кипятила использованные, что строго запрещалось, и пускала их повторно в дело, а сэкономленные продавала. Тогда в стране трудно было со шприцами, это теперь они во всех скверах под ногами хрустят. Вскоре ее на этом безобразии поймали, и вышел тихий, но страшный скандал, стоивший кое-кому должностей. А Валентин Петрович доверительно сказал Свирельникову за рюмкой коньяку: «Если, Миш, такое творится в „Кремлевке“, то дела в государстве совсем плохие!» Как в воду глядел...

Когда хоронили Милду, на Новокунцевское кладбище пришло много старых большевиков, потому что не каждый день провожают в последний путь дочь легендарного Красного Эвалда. Конечно, про знаменитого латыша Михаил Дмитриевич кое-что знал из рассказов Тони и тещи, но во время похорон и особенно на поминках услышал много нового. Начинал свою сознательную жизнь Эвалд Оттович ничтожным батраком на хуторе, затем, в германскую, стал латышским стрелком, сражался на Гражданской войне, командовал полком, дорос до первого секретаря Уральского обкома ВКП (б), потом был переведен в Москву с повышением и уничтожен за то, что посмел возразить Сталину на одном очень важном пленуме. Точнее, сначала Красный Эвалд заспорил с Иосифом Ужасным, а только потом был повышен и расстрелян. В общем, хотел этот честный, благородный латыш остановить надвигавшийся Большой Террор, но в результате сам одним из первых угодил в кровавые жернова. Жена его, Софья Генриховна, жгучая витебская красавица, пропала в лагерях, а дочерей отправили в специальный детский дом. Потом, в Оттепель, они вернулись в Москву и поступили учиться: старшая, Полина, – в университет, а младшая, Милда, – в театральное училище.

На экзаменах она и познакомилась с Валентином Петровичем, в ту пору стройным, плечистым, голубоглазым красавцем, приехавшим после армии с Урала поступать «в артисты». И оба прошли: он имел льготы как демобилизованный, она – снисхождение как дочь знаменитого репрессированного. Отец Валентина, между прочим, тоже незаконно погиб в лагере, и это общее сиротство особенно сблизило молодых людей.

Поженились они еще студентами, а в дипломном спектакле играли (наверное, преподаватели сговорились подшутить) супругов Яровых: была такая очень популярная пьеса драматурга Тренева про большевичку, которая выдала на смерть своего обожаемого мужа, оказавшегося, так сказать, по другую сторону классовых баррикад. «Любовь Яровую» в советские годы часто крутили по телевизору, и Свирельникову казалась страшной нелепостью вся эта явно придуманная для иллюстрации обострения классовой борьбы душетерзательная история двух влюбленных супостатов.

О том, что это вовсе не придумка, но жуткая правда беспощадной революционной жизни, Михаил Дмитриевич догадался только в 91-м, когда чуть не дрался с Тоней в супружеской

постели из-за Ельцина, которого она буквально боготворила. А с братом год не разговаривал после расстрела Белого дома, потому что Федька, наблюдая по телевизору весь этот кошмар, радостно хлопал рюмку за рюмкой по поводу каждого танкового залпа, вышибавшего из закопченного здания куски фасада. Да еще дал, болван, радостное интервью Би-би-си.

Творческая судьба у актерской четы не сложилась. Милда, конечно, во всем винила завистливых коллег и развратных режиссеров, которые, не раздев начинающую актрису, не способны рассмотреть ее дарование. А Валентин Петрович, будучи однажды в философическом настроении, сказал Свирельникову: «В искусстве, Миш, побеждают или чудовищно бездарные, или страшно талантливые. Просто талантливым и просто бездарным там делать нечего!» Сам он стал активным общественником, его заметили и направили по партийной линии – в Краснопролетарский райком. Милда же, судя по глухим семейным обмолвкам, как-то очень неловко, а главное – безрезультатно изменила мужу с худруком, отчаялась, ушла из театра и стала вести драмкружок во Дворце пионеров на Спартаковской площади.

И вот однажды, когда на этом детском учреждении открывали мемориальную доску (там однажды Ленин говорил рабочим речь), на церемонию приехал очень большой руководитель, вроде без малого член Политбюро. Нарядная Милда, торжественно стоявшая в толпе сотрудников, взгляделась и с изумлением узнала в нем отцовского помощника, который часто заходил к ним в гости и даже качал ее на коленке, напевая:

Мы красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ...

Она вспыхнула, заволновалась, попыталась приблизиться, но райкомовцы грубо не подпустили, и тогда у нее от обиды случилась истерика: нервы-то еще с детдомовских времен были ни к черту. Шум, слезы, визг, смятение в праздничных рядах. Кремлевцем оказался человеком простым и сострадательным, встревожился, приказал подвести к нему рыдающую красивую женщину.

А когда подвели, глянул и, чуть отшатнувшись, прошептал:
– Соня?

Милда в самом деле была очень похожа на мать. Тут, конечно, все разъяснилось, он осознал, заулыбался, прослезился, вспомнил тревожную молодость, обнял потимицу своего старшего друга-соратника и пригласил заходить к нему запросто. Именно он устроил Милду на хорошую должность в Министерство культуры, а Валентина отправил учиться в Высшую партийную школу и потом следил за его карьерой, помогая расти не вкривь или вкось, но все выше и выше. Одним словом: Благодетель! Полине тоже перепало от высоких щедрот: ей, матери-одиночке, брошенной скоротечным «целинным» мужем, он помог переехать из коммуналки в отдельную квартиру на Большой Почтовой улице.

Раз в год, 8 ноября, Благодетель приглашал сестер в Серебряный бор на свою служебную дачу. Они гуляли по усыпанному прелым осенним золотом берегу Москвы-реки, жарили на углях мясо, пили удивительное грузинское вино, присланное тамошними друзьями-руководителями, закусывали редкостной снедью из распределителя, вспоминали Красного Эвалда и пели, еле сдерживая хорошие слезы, революционные песни. Через некоторое время Благодетель помог организовать музей и установить памятник на площади в Староуральске, где Красный Эвалд начинал свое смертельное восхождение к власти, будучи секретарем уездкома.

Умер Благодетель буквально через два месяца после выхода на пенсию, куда его вышвырнул Брежнев, заподозрив в тайном сочувствии председателю КГБ, якобы готовившему партийный переворот. К тому времени Валентин Петрович и сам уже стал вполне значительным,

необратимо растущим функционером, а Милда Эвалдовна превратилась в прокуренную минкультовскую даму. Обычно по сигналам с мест ее срочно бросали на искоренение «аморальной и антиобщественной атмосферы», стусившейся в том или ином областном театре. И знали: пощады не будет никому!

И все шло хорошо. Правда, один раз в карьере «святого человека» наметилась крупная неприятность: будучи завсектором в ЦК, он, вопреки мнению гэбэшных кураторов, взял да и подписал разрешение на творческую заграникомандировку одному экспериментальному режиссеру. Тот прославился тем, что удивительным образом инсценировал роман «Как закалялась сталь»: Павка Корчагин излагал зрителям свое героическое житие, лежа спеленутым, как мумия, причем не на больничной койке, а в настоящем саркофаге. Все остальные действующие лица спектакля в соответствии с этой странной египетской трактовкой появлялись на сцене в масках: положительные – в птичьих, отрицательные – в шакальих. Постановка имела грандиозный успех, но кто-то из бдительных критиков усмотрел в ней насмешку над революционной героиней, законспирированную под творческий поиск. Да еще, как на грех, во время прежней заграникомандировки режиссер имел недоразумение на таможне: пытался провезти из Японии почти порнографический альбом «Гейши как они есть» и попался. Реформатора рампы сделали не то чтобы «невыездным», а как бы с трудом выпускаемым.

В поисках справедливости проштрафившийся новатор зашел в кабинет к Валентину Петровичу, преподнес фарфоровую крольчиху в кимоно, а затем, просясь на гастроли в Америку, пал перед ним на колени в буквальном смысле слова. Ну, «святой человек» и дрогнул. Надо ли говорить, что театральный гений потребовал в Штатах политического убежища и даже опубликовал книгу «Мельпомена в ГУЛАГе». Карьера Валентина Петровича несколько недель висела на волоске, тем более что грошовую крольчиху попытались представить как крупную взятку. «Святой человек» сносил удары судьбы мужественно, а вот Милда Эвалдовна страшно нервничала, плакала, билась в истерике – в итоге сорвала сердце, которое потом, через несколько лет, и захотела, к своему несчастью, подлечить в «Кремлевке». В конце концов наверху разобрались, крепко пожурили, но оставили незадачливого зайцелюба при должности. Однако в результате номенклатурного стресса в его организме произошел какой-то, видимо, гормональный сбой. До этого худощавый, спортивный, он начал неудержимо толстеть и буквально за год сделался неправдоподобно тучным. Ему даже на самолет брали теперь два билета, ибо в одном кресле он не помещался.

После смерти супруги Валентин Петрович так больше и не женился, а на вопросы, не скучно ли ему одному в трехкомнатной квартире, отвечал, ласково улыбаясь: «Ну, кому я такой толстый нужен?» На старости лет у него осталась единственная радость – зайчики. Про его хобби знали все: сослуживцы, родственники, друзья – и отовсюду везли ему сувенирные изваяния этих длинноухих зверьков. А поскольку чиновником он был влиятельным, зайчики порой были из весьма дорогих материалов и представляли собой некоторую художественную ценность. Коллекция постепенно разрослась, пришлось выделить под нее целую комнату, бывшую супружескую спальню, и заказать специальные стеллажи с подсветкой. Прямо-таки настоящий музей!

Свирельников, приходя в гости к Валентину Петровичу, любил брать с полок ушастые экспонаты и рассматривать: успокаивало. Каких там только не было! Но больше всех ему нравился серебряный заяц, одетый как совершеннейший принц Гамлет: берет с пером, складчатый плащ-накидка, широкие рукава камзола с фестончатыми буфами, на боку меч с резным эфесом, задние лапки затянuty в штаны-чулки с двумя гульфиками на завязках – там, где у всех, и сзади – для хвостика. В передних лапках, как и положено принцу, зверек держал череп, причем волчий. Работа изумительная: на эфесе размером с кедровую скорлупку виден тончайший растительный узор, а на пушистом опахале позолоченного пера можно рассмотреть каждую

ворсинку. Особенно умиляла Михаила Дмитриевича скорбно-лукавая мордочка этого «зайца датского» и его трогательные уши, свисавшие из-под берета в метафизическом изнеможении.

Тем временем в стране обозначилась Перестройка. Жизнь начала меняться с невнятной, но радостной поспешностью. В страну воротился театральный гений и опубликовал в «Огоньке» интервью, в котором рассказал про то, как, стоя в ЦК на коленях перед Валентином Петровичем, он внутренне хохотал над партийным держимордой. Все это, конечно же с указанием фамилии и должности, было подхвачено, разукрашено, много раз пропечатано в газетах и сообщено по телевизору. А поскольку «святой человек» выглядел неприятно толстым, как-то сам собой подзабылся тот неоспоримый факт, что именно он выпустил гения за рубеж и даже по этой причине пострадал.

Мало того, журналисты пустили утку, будто не кто иной, как Валентин Петрович разрешил ленинградскому партийному сатрапу Романову сервировать столы на свадьбе дочери эрмитажными императорскими сервизами, в результате чего пьяное гульбище побило груды бесценной посуды. И никого почему-то не заинтересовало, каким образом скромный заведующий сектором мог что-то разрешать или запрещать всемогущему члену Политбюро. А опубликованного через год крошечными буквами на последней странице «Столичного колокола» опровержения, что, мол, в Эрмитаже не пропало ни единого блюдечка, вообще никто не заметил.

На некоторое время тучный образ Валентина Петровича стал, кочуя из газеты в газету, своего рода символом коммунистического надругательства над свободолюбивой творческой интеллигенцией. Огорченный очередной карикатурой, изображавшей его, например, безобразно разжиревшим Гулливером, расплющивающим гигантским задом Большой театр, он приходил домой, шел к зайчикам, перебирал их, гладил – и утешался. Вскоре, наиздевавшись всласть, про него забыли и всем скопом шумно набросились на провинциальную доцентшу, имевшую глупость сообщить общественности через центральную газету о своем нежелании поступаться принципами.

Между тем начали открывать секретные архивы, и неожиданно обнаружилось, что, оказывается, Красный Эвалд был арестован и расстрелян по доносу помощника – Благодетеля. Полина Эвалдовна чуть не сошла с ума от чудовищной правды, а потрясенный Валентин Петрович все повторял, что, мол, слава богу, Милда не дожила до этого ужаса, и однажды спросил Свирельникова:

– Миш, как ты думаешь, они там... – он потусторонне махнул рукой, – знают о том, что у нас тут теперь происходит?

– Нет, конечно.

– Хорошо бы так!

Но этим дело не кончилось: архивы продолжали ворошить, и выяснилось, что Красный Эвалд поругался со Сталиным на пленуме совсем не из-за Большого Террора. Точнее, именно из-за него и поругался, но на Большом Терроре настаивал не будущий генералиссимус, а как раз бывший латышский стрелок. Он категорически выступил против того, чтобы очередные выборы в Советы проводились, как говорят нынче, на альтернативной основе. А именно такую коварную каверзу и затевал Иосиф Ужасный с подручными. Ему давно уже надоели революционный бардак на местах и самоуправство героев классовых битв, каждый из которых втайне мнил себя будущим пролетарским Наполеоном. С помощью хитроумно-свободных выборов он и хотел потихоньку избавиться от осточертевшего наследия славного баррикадного прошлого. Надвигалась война – страну нужно было срочно строить и укреплять.

Однако местные партийные рубаки-парни, знавшие друг друга еще с Гражданской, почуяв неладное, тут же сгрудились вокруг Красного Эвалда. Он-то и объявил с трибуны, что свободные выборы – предательский нож в спину Мировой Революции, так как несознательные массы навывают в Советы перекрасившихся оппозиционеров, затаившихся белогвардейцев,

недобитых эсеров и сладкоголосых попов. А это – фактический конец приближающемуся коммунизму! Посему не послабления теперь нужны – напротив, железная пролетарская метла! И, подавая пример остальным, потребовал от Политбюро для своей губернии ликвидационный лимит на 15 тысяч человек! Больше, кажется, запросил только Хрущев для Московской области. И пленум, что характерно, почти единодушно поддержал Эвалда Оттовича.

Сталин сразу сообразил, что проигрывает партию и может запросто переехать из кремлевского кабинета в подвал Лубянки. Плюнув на свободные выборы, он пообещал взалкавшей террора ленинской гвардии таких репрессий, что мало никому не покажется. На том и порешили... Слово свое Иосиф Ужасный, как известно, сдержал: к 39-му в живых не осталось почти никого из тех, кто хотел помахать железной пролетарской метлой...

Собственно, об этом и рассказывала большая статья, приготовленная для публикации в «Правде». Но потом, собрав наверху закрытое совещание, рассудили: советский народ еще не готов к запутанной и непонятной правде о том странном времени, люди привыкли к тому, что во всем виноват Сталин, и теперь, на сложном политическом повороте, морочить общественность хитросплетениями давней политической борьбы совсем даже не стоит. К тому же среди прорабов, мастеров и подмастерьев Перестройки числилось немало потомков погибших соратников Красного Эвалда, и обижать их в трудную эпоху ускорения было бы непростительной ошибкой. В общем, постановили: поскольку от исторической правды в конечном счете все равно никуда не деться, отложить обнаружение этой самой правды до лучших в познавательном смысле времен.

Валентин Петрович, участвовавший в том закрытом совещании, вышел из зала, как раненый. «Святой человек» сразу осознал, что именно по тому кровавому лимиту, выбитому на пленуме Красным Эвалдом, и был арестован на Урале его отец, Петр Викентьевич, земский врач, мобилизованный белыми, как доктор Живаго, в 1919 году. Потом послужил он и красным, даже заведовал горбольницей, но своей пули все-таки дождался, пусть и через много лет после окончания Гражданской войны. Обессиленный всем этим, Валентин Петрович сказался больным и несколько дней не выходил из комнаты с зайчиками, обсуждая, наверное, с этими понятливыми зверьками глумливую жестокость жизненных обстоятельств и то, над какими невероятными безднами носятся людские судьбы, гонимые мусорными ураганами истории. Потом он как ни в чем не бывало появился на службе, но портрет покойной жены с его рабочего стола исчез навсегда.

Никому из родственников Валентин Петрович про свое невольное открытие, разумеется, не сказал ни слова. Только на общесемейных праздниках, когда целинница Полина Эвалдовна, восплавав, принималась романтично рассуждать о том, какой бы прекрасной была судьба Отечества, если бы ленинской гвардии удалось одолеть Иосифа Ужасного, «святой человек» лишь печально улыбался и молча отводил в сторону глаза. А ежели восторженная свояченица заводила под гитару «комиссаров в пыльных шлемах», тяжело вставал и шаркал на кухню – заваривать чай. Свою тайну он так и унес в могилу.

И только в середине 90-х в журнале «Секретное досье» появилась двухполосная статья «Кровавый Эвалд. Тайна Большого Террора», обнаруживавшая наконец все то, о чем не решилась когда-то поведать газета «Правда». Сенсационный материал украшала фотография, с которой – обнимая красивую брюнетку и двух очаровательных девчушек – грустно смотрел на читателей скуластый бритоголовый усатый человек во френче. Нет, он даже не обнимал их, а судорожно прижимал к себе, словно чувствовал, что скоро у него отберут все: и власть, и детей, и жену, и саму жизнь.

Для Полины Эвалдовны эта публикация была страшным ударом. Тяжелее всего она страдала даже не от самой статьи, а от того жуткого обстоятельства, что собственноручно передала в журнал сокровенный семейный снимок. Оказывается, ей позвонили из редакции и жизнерадостно сообщили: мол, в ближайшем номере идет «экслюзив» к юбилею того самого печально

знаменитого пленума, на котором ее отважный родитель схлестнулся со Сталиным. Вот она, доверчивая, и отослала фотографию, а потом даже с гордостью сообщила Тоне: мол, наконец-то среди этого капиталистического бреда вспомнили о папе и его революционных заслугах. Лучше бы не вспоминали...

Несколько недель после появления статьи теща плакала и боялась выходить на улицу: ей казалось, все сразу узнают дочь Кровавого Эвалда, бросятся мстить за жестокого родителя и разорвут на части. Но никто даже не позвонил... Потом она постепенно убедила себя в том, что отец, конечно, ни в чем не виноват, все это людоедство подстроил подлый Благодетель, губивший людей из природного садизма. А когда из «Секретного досье» прислали денежный перевод за публикацию фотографии, с ней случился первый приступ. Очень быстро из подтянутой дамы, посещавшей аэробику, она превратилась в истерическую изможденную старуху, без конца твердившую о людском вероломстве и о том, что завтра пойдет подавать в суд на клеветнический журнал. Ни в какой суд она, конечно, не пошла, а потом случился инсульт, и Полина Эвалдовна до самой кончины почти год неподвижно пролежала на кровати, еле слышно борючая одной ей понятные проклятья. Тоня ходила за ней самоотверженно и очень подурнела за это время...

Кстати сказать, убийственный «эксклюзив» задним числом кое-что прояснил и в странном предсмертном поведении «святого человека». Валентин Петрович погиб в 94-м, незадолго до роковой публикации в «Секретном досье». Разгром Центрального Комитета толпой озверевших младших научных сотрудников и потерю работы он перенес философски. Даже с особым удовольствием повторял Михаилу Дмитриевичу: «У меня, Миш, теперь, как у латыша: хрен да душа!» Но это, конечно, для красного словца. Хорошо зная английский, «святой человек» заключил авансовый договор с издательством «Маскарон» и сел переводить какой-то особенно срамотный роман Генри Миллера. Жил он размеренно: работал каждый день по пять-шесть часов. Если попадался слишком уж непотребный пассаж, трудно перелагаемый на целомудренный русский язык, шел советоваться к зайчикам. По утрам непременно спускался к набережной и в течение полутора часов медленно прогуливался до Лужников и обратно.

Однако жестокая судьба уже взяла его в свое неумолимое перекрестье. Квартиру напротив купил новый русский, в прошлом директор гастронома, а теперь хозяин одного из первых в столице оптовых продовольственных рынков. Тогда в Москве элитного жилья строили совсем мало, и самым шиком считалось вселиться в «сталинский» дом или в «цековский» – из бежевого кирпича. Оптовик, предпочтя цековский вариант, сторговал квартиру у бывшего союзного министра заготовок, который давно мечтал разъехаться с пьющим зятем. Почти год новый владелец делал роскошный евроремонт и загадил весь подъезд вместе с лестницами. По дому витали слухи, будто в гостиной нувориш установил настоящий мраморный фонтан, но подтвердить доподлинно это вызывающее обстоятельство никто не мог. Зато все жильцы могли ежедневно созерцать установленную богатеем бронированную дверь, похожую на те, что Свирельников видел в финских бетонных дотах на Карельском перешейке.

Эта дверь и погубила Валентина Петровича. Неизвестные враги оптовика прикрепили к ней бомбу, рванувшую так, что в округе осыпались стекла и взвыли сигнализации всех окрестных иномарок. Но броня выдержала, а взрывная волна, наткнувшись на преграду, ринулась в обратную сторону, вышибла деревянную дверь «святого человека» и разметала, сокрушила, перемолола все, что было в квартире. Музейные стеллажи разнесло в щепки, а из зайчиков уцелели лишь металлические фигурки, да еще некоторые, изготовленные из прочных пород камня.

Когда грянул взрыв, Валентин Петрович совершал безмятежную утреннюю прогулку вдоль Москвы-реки. Воротившись, он обнаружил полный двор милиции и пожарных. Лифт не работал. Гонимый страшным предчувствием, несчастный, забыв про одышку, побежал вверх по лестнице, чего из-за своего неподъемного веса не делал уже много лет. Достигнув уни-

чтоженной квартиры, он сразу двинулся в пролом, увидел под ногами крошево, еще недавно бывшее его знаменитой коллекцией, всхлипнул от ужаса и рухнул замертво. Милиционеры вызвали «неотложку», врачи констатировали смерть, а соседи позвонили Свирельниковым. Михаил Дмитриевич сразу же примчался и помогал ругавшимся санитарам тащить на носилках тяжеленный труп, а потом намучился, заказывая «двойной» гроб, потому что тучное тело усопшего в обычный не помещалось.

Когда в разгромленной квартире работала следственная бригада с Петровки под руководством Алипанова, в письменном столе, в выдвижном ящике, нашли пятьсот долларов. К деньгам с чисто аппаратной тщательностью Валентин Петрович канцелярской скрепкой присовокупил сопроводилровку – розовый квадратный листочек с надписью: «На мои похороны». Ниже стояли его подпись и дата. В том же ящике обнаружилось и нотариально заверенное завещание. По нему квартира и все имущество отходили Тоне. К завещанию был подколот приватизационный документ. Увидав эти бумаги, кавказистого вида участковый милиционер, крутившийся возле оперов, погрузился и ушел.

Но больше всего Свирельникова удивило найденное там же похожее на студенческую зачетную книжку кладбищенское свидетельство, удостоверявшее, что Валентин Петрович является владельцем «могило-места» на Хованском кладбище. А ведь Милда Эвалдовна, одна-одинешенька, очень престижно и просторно покоилась на Новокунцевском, возле центральной аллеи, рядышком с артистами, генералами и академиками! Чтобы не возникло никаких недоумений, в корочки с той же бюрократической дотошностью была вложена розовая бумажка: «Прошу похоронить меня согласно свидетельству!» И снова: подпись, дата. Что ж, воля усопшего – закон.

Коротать вечность в одной могиле с дочерью человека, который погубил его отца, Валентин Петрович не захотел...

9

Свирельников посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: в темно-сером костюме от «Сквайера», дымчато-полосатой рубашке от «Бугатти» и скромном, стального цвета галстуке от «Меркурия» он выглядел как человек скорее состоявшийся, нежели состоятельный. Поколебавшись, директор «Сантехюта» снял с руки мудреный штурманский «Брайтлинг» с синим циферблатом и заменил на скромный тысячедолларовый «Раймонд Вейл», подаренный бывшей женой ко дню рождения. В таком виде он был готов предстать перед чиновником, от которого зависело будущее его бизнеса.

Из квартиры Михаил Дмитриевич вышел, держа в руке кейс с документами и деньгами, а под мышкой – бархатную коробку со старинным кавказским кинжалом. Спускаясь в лифте, он, поразмыслив, решил отложить суровый выговор консьержке до лучших времен. Был еще, конечно, вариант бросить ей на ходу какую-нибудь тонкую художественную гадость, но ничего оригинального в голову не пришло, и это наводило на мысль, что алкоголь, помимо печени, почек и прочих жизненно важных органов, поражает также и ту часть головы, которая ведает чувством юмора.

Как говорил замполит Агариков: «Совсем мозги допил!»

Не успел Свирельников вышагнуть из лифта – ему навстречу бросилась взволнованная Елизавета Федоровна:

– В нашем подъезде готовится ограбление!

– Почему вы так решили?

– Я только что разговаривала с этим... с наводчиком!

– А как вы определили, что он наводчик?

– Понимаете, я отошла, чтобы покормить белую кошечку. Такую маленькую. Она никогда вместе с другими к блюдечку не подходит. Индивидуальность! Я тоже, знаете, в театре держалась немного в стороне. Меня за это считали гордичкой. Но это не так! Я просто не люблю толпу... Конечно, если бы я вела себя по-другому, у меня были бы настоящие роли. И творческая судьба сложилась бы иначе! Но продавать себя даже за интересные роли?! Никогда!

«Актерский талант – это емкая глупость», – вспомнил Свирельников вещие слова Валентина Петровича и спросил консьержку:

– А что же наводчик?

– Да, разумеется, – спохватилась она. – Я уже сказала, что отошла покормить беленькую кошечку. Она всегда прячется в золотых шарах. Возможно, ей просто нравится запах этих растений. Запахи, кстати, имеют огромное значение в жизни. Знаете, в меня был страстно влюблен один очень известный кинорежиссер, предлагал руку, сердце и роли, но мне ужасно, просто до мигрени, не нравился его запах, и я ему отказала. Вы читали «Парфюмера» Зюскинда?

– Нет, не читал... – ответил Михаил Дмитриевич с раздражением: про этого чертова «Парфюмера» ему когда-то говорила Тоня, а совсем недавно спрашивала Светка, и он даже, грешным делом, подумал: может, от него как-нибудь не так пахнет...

– Напрасно! Очень поучительная книга... Значит, я пошла искать беленькую кошечку в золотые шары, а под дверь подложила камень, чтобы не захлопнулась...

– Ах, камень! – ехидно кивнул Свирельников, догадавшись, каким образом плакса Фетюгин незамеченным вошел в подъезд.

– Да, камень. У меня есть специальный булыжник. Кругленький. На всякий случай. Даже странно, что такими булыжниками была раньше вымощена вся Москва! Я вот иногда думаю, куда они все подевались с тех пор, как положили асфальт? Это же миллионы булыжников! Я помню, рабочие их выковыривали, грузили на машины и увозили. А куда? Но с другой стороны,

куда подевались миллионы людей, умерших с тех пор, как положили асфальт, мне совсем не интересно... Странно, правда?

– Ничего странного. Куда девались люди, мы с вами знаем. А булыжники... В Москве миллионы дверей, если каждую подпирают камнем, когда идут кормить кошечек... – Он посмотрел на часы.

– Насколько я понимаю, это ирония? – нахмурилась бывшая актриса.

– Возможно.

– Ну да, а время – деньги. Поговорить с человеком уже некогда... Мне тут этот... арт-директор... с шестого этажа заявил: «Мой час стоит сто долларов!» Дожили: человечку грош цена в базарный день, а час у него стоит сто долларов!

– Я бы с удовольствием с вами поговорил, но я к врачу записан... Так что с наводчиком?

– Мой первый муж всегда говорил: у хороших людей болит сердце, а у плохих – желудок... Он умер от диабета. А наводчик увидел, что дверь открыта, и шмыг! Я ему кричу: «Молодой человек, вы к кому?» А он делает вид, что не слышит. Я поставила блюдечко и догнала его у самого лифта. Снова спрашиваю: «Вы к кому?» Он: «К знакомой...» Я: «В какой квартире проживает ваша знакомая?» Он: «Не ваше дело!» А я: «Нет, как раз мое дело! Мне за это деньги платят!»

– Неужели? А как он был одет?

– В джинсах и в красной ветровке...

– Бритоголовый? – почувствовав болезненное стеснение в груди, уточнил Свирельников.

– Да! Вы его знаете?

– Нет. И куда же он делся?

– Ушел. Я пригрозила: вызову милицию, он сказал, что сам из органов, и ушел. А вот объясните мне, Михаил Дмитриевич! Раньше тоже брились наголо. Но это мне понятно: работали, Отечеству так служили, что шевелурой заниматься некогда! И ведь порядок был! А эти-то зачем бреются? Они-то чем таким уж заняты? Страну развалили, кругом жулики, предатели и агенты влияния... Может, в милицию позвонить, спросить, работает у них такой?

– Не надо.

– А что делать?

– Дверь булыжником не подпирайте! – сурово посоветовал Михаил Дмитриевич и решительно направился к своему джипу.

Алексей, выйдя из автомобиля, поприветствовал босса странным, словно бы извиняющимся полупоклоном. Несколько лет назад он возил турецкого строительного подрядчика и, видимо, именно тогда усвоил эти восточные деликатности. Турок в свое время восстанавливал изуродованный расстрелом Белый дом и очень радовался тому, что Россия сама себя так поидиотски раскурочила, а ведь в 45-м советские танки могли запросто въехать в Стамбул. Леша часто вспоминал этого подрядчика...

– К тебе никто не подходил и ничего про меня не спрашивал? – спросил, сев в машину, Свирельников.

– Нет...

– А ты давно подъехал?

– Три минуты.

– Ладно – давай к доктору!

Когда они въезжали в тоннель под Ленинградским проспектом, Михаил Дмитриевич оглянулся и сразу заметил позади знакомые серые «жигули».

Правильно, что он позвонил Алипанову! Вообще хорошо, когда есть такой друг. И, как это чаще всего случается, самые надежные и ценные знакомства образуются совершенно случайно.

В день взрыва, погубившего «святого человека», следственная бригада скоренько (словно квартиры каждый день взрывают!) осмотрела место происшествия: что-то замерили, что-то соскребли со стен, что-то насыпали в целлофановые пакетики, опросили свидетелей, составили протокол... А тут как раз, узнав о происшествии, примчался из загородного дома оптовик, и сыщики перешли к нему в квартиру для серьезного разговора. Туда же, в надежде наконец увидеть баснословный фонтан, ломанули и толпившиеся на месте происшествия соседи. Остался только лысоватый, плечистый опер в кожаной куртке с таким количеством латунных молний и разнокалиберных карманов, словно пошивщици строчили ее не для человеческого ношения, а для Книги рекордов Гиннеса по разделам «Молний» и «Карманы».

Он помогал Свирельникову подбирать рассыпавшиеся по полу заячьи осколки, сопереживал, вздыхал, прикладывал кусочки друг к другу и успокаивал, что некоторые фигурки можно склеить. Разговорились – и выяснилось: сочувственного опера с Петровки зовут Альберт Раисович Алипанов, и он тоже, оказывается, много лет собирает зайцев. Когда под перевернутым креслом Михаил Дмитриевич обнаружил целехонького ушастого Гамлета, Алипанов восхищенно поцокал языком, оценив оригинальность замысла и совершенство исполнения. На Тонин вопрос, с кого спрашивать компенсацию за погром, опер разъяснил, что злоумышленников, конечно, не найдут, хотя, в принципе, вычислить, кому мешал оптовик, не так уж и сложно, но в подобных случаях конкуренты разбираются сами, а милиция старается не вступать. Поэтому в ближайшее время можно ожидать в Москве очень похожее происшествие, но – не исключено – с более очевидным исходом.

– Умный рынок сам все наладит! – усмехнулся Альберт Раисович, обнажив золотые зубы, словно специально вставленные под цвет молний на куртке.

Трогательно заботясь о потерпевших, Алипанов предупредил, что сегодня же необходимо вставить новую дверь, а то к утру могут растащить полквартиры. Тут же сам позвонил в ДЭЗ, представился и строгим голосом приказал срочно прислать рабочих с инструментами. Михаил Дмитриевич, тронутый заботой, подарил оперу (к неудовольствию Тони) на память одного из уцелевших зайчиков – пластмассового, в шотландской юбочке, с волынкой. Остальных коллекционных зверьков жена предусмотрительно сложила в спортивную сумку и отнесла в машину. Алипанов расчувствовался, сердечно благодарил, а узнав, что Свирельников занимается бизнесом, оставил свою визитную карточку. Мол, если кто обидит, – звоните: «Мы поможем, мы все время на посту».

Через полгода мастера «Сантехюта» мостили теплые полы одному омерзительному мужику, который держал несколько пиво-водочных палаток на площади трех вокзалов. И тот, очевидно большой специалист по «кидалову», сначала выдал скромный аванс, а потом, когда работу сделали, объявил, будто полы нагреваются неравномерно, и расплачиваться наотрез отказался. Михаил Дмитриевич тогда только разворачивался, учился азам бизнеса на собственных ошибках и работал без серьезных договоров, практически под честное слово. Он, наверное, махнул бы рукой: не такие уж большие деньги, но его страшно возмутило, как пивоводочник, издевательски глядя в глаза, сказал: «Если не согласны, подавайте в суд!» Ну, а какой, на хрен, суд в стране, где председатель аж Конституционного умоляет похмельного президента: «Вернитесь в правовое поле!» А тот в ответ – из пушек по парламенту...

И тогда Свирельников вспомнил про коллекционера с Петровки. Алипанов обрадовался звонку, назначил встречу, вник в ситуацию и через неделю принес деньги, сняв, разумеется, свои проценты. После того случая директор «Сантехюта» к нему неоднократно обращался в тех сложных ситуациях, когда нужно было припугнуть и надавить. А что сделаешь, если эти скоты реформаторы (и все, между прочим, из приличных семей!) устроили дикий рынок? Дикая рынок – дикие нравы!

Как говорил замполит Агариков, капитализм – джунгли человечества.

Со временем Алипанов уволился из органов, так сказать, по собственному желанию начальства: его следственная бригада занималась убийством знаменитого шоумена, который вел на телевидении передачу «Где взять миллион?», и докопалась до таких интересных вещей, что разогнали сразу весь отдел. Позвонил кто-то из кремлевских окосемянных и страшно орал. В общем, всем приказали написать заявления, да еще предупредили: если в прессу просочится какая-нибудь информация о причинах смерти популярного ведущего, то за их собственную жизнь, а также за безопасность родственников никто не даст и рваного «мавродика». Альберт Раисович особенно не переживал, решив, что в стране, где за расследование преступлений наказывают суровее, чем за совершение оных, лучше в органах не работать. Он ушел с Петровки и открыл собственную охранную фирму «Ятаган». Но занимался Альберт Раисович не только охраной и выколачиванием долгов...

«Ну, конечно же!.. – Свирельников вдруг оглушительно понял, кто за ним следит, и даже вспотел от своей догадки. – Господи, ведь знал же, знал, что этим закончится!..»

Несколько лет назад Алипанов без звонка заехал к нему в офис и предложил прогуляться. Он всегда так делал, если нужно было обсудить что-то серьезное. Они вышли на улицу, дошли до Сретенки и двинулись к бульвару. Возле двухсаженного памятника Крупской бывший опер задержался, оглядел серую, устремленную вперед фигуру и сказал, качая головой:

– Вот ведь, разве думала Надежда Константиновна, что после смерти у нее столько мужей будет!

– Каких мужей? – не понял Свирельников.

– Ну, как же, ей сколько памятников поставили? Один. А Ленину – тысячи. Получается, многомужняя она...

– Да, действительно, – согласился Михаил Дмитриевич, каждый день проходивший или проезжавший мимо этого памятника, но ни разу ни о чем подобном даже не помысливший.

– А ты как к Чеченской войне относишься? – вдруг спросил Алипанов.

– Плохо отношусь. Ермолова на них нет.

– Да, война – штука отвратительная. Но на ней можно хорошо заработать. На мире так не заработаешь. Хочешь?

– Я оружием не торгую.

– Ну, ты сказал! И кому сказал... Ай-ай-ай! Мне оружия не надо – мне нужны твои унитазы.

– Какие – отечественные или импортные?

– Бумажные... – Бывший опер златозубо усмехнулся. – Я внятен?

В общем, он предложил Свирельникову за очень приличный откат оформить задним числом договор и прокачать через счета «Сантехюта» бюджетные деньги за полное сантехническое оборудование новой городской больницы в Грозном: чтобы и наряды монтажных работ, и платежки, и вся прочая документация были как настоящие. Все это нужно сделать срочно, потому что больницу две недели назад в щебенку разнесли неизвестные террористы, а за потраченные казенные деньги, выделенные на восстановление, надо отчитываться.

– Вот сволочи! – выругался Михаил Дмитриевич, сердечно возмущенный таким кощунственным воровством.

– Сталина на них нет! – согласился Альберт Раисович.

Пока они шли по бульвару от Крупской к Грибоедову, он сумел убедить сомневавшегося Свирельникова в том, что риска никакого: здание полностью сгорело, и определить, была ли там установлена сантехника, невозможно. Более того, бывший опер, понизив голос, сообщил, что подобную услугу уже оказали заинтересованным лицам известная строительная фирма, якобы поставившая столярку и проводшая отделочные работы, а также знаменитая американская компания, как бы оснастившая больницу новейшим диагностическим оборудованием.

– Соглашайся! Америкосы в плохое дело не полезут! Этой больницей занимаются большие люди. Очень большие. А когда едят великаны, лилипуты сыты крошками... Свирельников любовно покрутил в голове сумму, названную Алипановым, и решил... «Идиот, кретин, козел, тварь безмозглая!»

10

– М-да, уважаемый герой капиталистического труда! – огорченно молвил доктор Сергей Иванович. – Не бережете вы себя!

Говоря это, он как бы невзначай кивнул на пластмассовый человеческий череп, купленный, наверное, в магазине наглядных медицинских пособий.

– А что такое? – рассеянно спросил Свирельников.

Он продолжал внутридушевно материть себя за то, что поддался на уговоры Алипанова и теперь, судя по всему, за ним следят то ли фээсбэшники, то ли обэповцы.

– М-да, – вздохнул врач. – Относитесь вы к организму с преступной халатностью!

«Халатность, халатность... – Михаил Дмитриевич поежился от холодных прикосновений стетоскопа к груди. – Наверное, от слова „халат“. Ну да: когда на человеке не рабочая одежда, а какая-нибудь домашняя хламидия, он и к делу относится соответственно – халатно. Нет, не хламидия, а хламида. Хламидии – это то, от чего лечил Василий Моисеевич. Если бы он еще и от глупости лечил! Так подставиться!..»

Михаил Дмитриевич достаточно долго прожил с филологиней, чаще заглядывавшей в этимологический словарь Фасмера, чем в книгу о вкусной и здоровой пище, и успел пристраститься к словокопанию. Тоня окончила филфак МГУ, работала редактором в разных издательствах и, переписывая неудачные рукописи, существовала в бесконечном поиске синонимов и переносных значений. Она могла проснуться среди ночи, растолкать мужа и спросить: «Как ты думаешь, „раб“ и „холоп“ – синонимы?» Сначала он злился, но потом и сам заразился этой болезнью. Когда они уже почти договорились пойти в суд, Свирельников задумчиво сообщил ей:

– Странное слово «развод»...

– Почему? – удивилась Тоня.

– Ну, в одном смысле понятно: людей как бы разводят в разные стороны...

– А в другом смысле?

– В другом: как бы отпускают на развод. В смысле – размножения...

– Чисто мужская этимология. Заходи, если устанешь от размножения! Все-таки не чужие! – И она посмотрела на него с тоскливой надеждой.

– Зайду...

Но в суд они так и не пошли. Сначала передумала Тоня, надеялась, что муж отбесится и вернется. Потом, когда она наконец согласилась, у Михаила Дмитриевича началась ссора, а потом и дележ с Веселкиным, и разумнее было фирму и «дочки», оформленные на жену, пока не трогать. Тем более что она мало что знала. Догадывалась, подписывая доверенности, что муж химичит, но ведь все химичили. Что такое 90-е? Большая химия.

Стетоскоп уже нагрелся, и теперь Свирельникову казалось, будто по спине осторожно переступает теплыми ножками гном.

– Шумы-то у вас нехорошие, – сообщил доктор Сергей Иванович.

– Неужели так плохо? – спросил Михаил Дмитриевич с улыбочивым испугом.

Врач оставил стетоскоп, вернулся к столу, еще раз расправил гирлянду кардиограммы и долго ее рассматривал.

– Нездорово! – наконец вымолвил он.

– Что делать?

– Для начала – ничего не делать. По крайней мере – недельку. Стрессы были?

– Конечно. Как же без стрессов? Но ваши таблеточки я пил. Каждый день. Уже кончаются...

– Таблеточки я выпишу. Не проблема. Но беречь себя когда будете? Чем вчера занимались? Выпивали?

– Заметно?

– А то! Выхлоп за метр чувствуется! Еще что было?

– Поозорничали... – зарделся Свирельников.

– Надеюсь, с презервативом?

– Конечно. И вообще я только пил...

– Точно? – Доктор пытливо посмотрел ему в глаза.

– Насколько я помню – точно... Можно, конечно, на всякий случай провериться.

– На всякий случай, Михаил Дмитриевич! Про СПИД, чай, слышали?

– Конечно, – кивнул Свирельников, сообразив, что прашуры, называя нехорошего человека «аспид», возможно, предчувствовали этот грядущий бич соития.

«А ведь и “бич” – почти ВИЧ», – с неуместной радостью додумал он.

– Напрасно улыбаетесь! Мы живем с вами в эпоху даже не эпидемии, а пандемии вензаболеваний! – по-лекторски продолжал доктор. – Вирусы мутируют так, что мочеполовая инфекция, от которой лет пятнадцать назад вы избавились бы с помощью десятка таблеток, теперь требует упорного лечения и дает тяжелейшие осложнения. Девяносто процентов населения с мочеполовыми инфекциями. Девяносто! Разве можно так рисковать? вспомните, дорогой, для чего двадцать лет назад вы использовали омерзительный советский, пахнувший галошами презерватив?

– Чтобы детей не было, – признался Свирельников.

– Вот именно! Выпил, познакомился с девушкой на танцах, пошел провожать, вступил в половой контакт на скамеечке без всякого, скажем, предохранения. И о чем думаешь наутро? – Сергей Иванович внимательно глянул на пациента. – Совершенно верно: чтобы она к тебе на работу за алиментами не прибежала! Так ведь?

– Так.

– А теперь презерватив нужен не для ограничения рождаемости, а, наоборот, для продолжения жизни на земле! Такой вот парадокс! Вы думаете, почему после античного сексуального беспредела, когда трахнуть любое способное к совокуплению существо было привычным делом, пришли упертые христиане с их умерщвлением плоти и осуждением похоти? Да потому, что человечество таким образом спасало себя от исчезновения! вспомните, как умирали римские императоры! Они покрывались язвами и страдали отеками! Явные последствия непролеченных половых инфекций. А вы?! Разве так можно! – Доктор перевел дух и улыбнулся. – Напугал?

– Напугали...

– Точно предохранялись?

– Точно.

– Это хорошо!

– Черт его знает, – пожал плечами Свирельников. – В кино ведь как показывают: познакомились в баре, выпили по коктейлю, ну и...

– Да мало ли что в кино показывают! – снова возмутился Сергей Иванович. – Там и дерутся все время. Бьют, дубасят друг друга, потом расходятся как ни в чем не бывало. А ведь после одного такого удара на самом деле реанимацию нужно вызывать. Пили-то столько зачем? Тоже в кино насмотрелись?

– Не рассчитал.

– Михаил Дмитриевич, если вы не научитесь рассчитывать силы, то очень скоро я ничем не смогу вам помочь. И никто не сможет! Понимаете?

– Конечно.

– Надо вам срочно передохнуть.

– А я и собирался. В Испании...

– Знаем мы этот отдых в Испании. Жара, вино и «коитус континиус».

– Это по-латыни?

– Почти. Означает – непрерывный секс. Обследоваться вам надо хорошенько. До Испании! Поняли? До!

– Обязательно. Возьму отдельную палату в ЦКБ и обследуюсь. Заодно отдохну.

– Не верю я этим «кремлевкам», – вздохнул доктор. – «Полы паркетные, врачи анкетные». Заглядыванием в глаза еще никого не вылечили.

– У меня там тетку жены... бывшей жены... залечили.

– Обычное дело! У меня там тоже друг работает. Прибегает к нему шкаф, знаете, такой с золотой якорной цепью на шее. Явно из «быков». Где-то на Ленинградке подцепил девушку. Оказалась с душком. Ну, сами понимаете... Ему объясняют: надо на анализ кровь взять. А тот ни в какую. Говорит: даю штуку баксов, чтобы без крови. С детства боюсь кровь сдавать...

– Смешно.

– В интимной жизни, – Сергей Иванович посмотрел на Свирельникова со значением, – рекомендую не перенапрягаться.

– Совсем?

– Почему – совсем? Если без эксцессов, физическая любовь оздоравливает организм, повышает иммунитет, уменьшает содержание холестерина...

Врач присел в кресло на колесиках и придвинулся к столу. Большой докторский живот сработал как амортизатор – и кресло немного отъехало назад.

– И похудеть вам необходимо, – добавил он, выписывая рецепт. – Мне, кстати, тоже. Хотя... Тут у меня батюшка был на приеме. Поругался с епархиальным начальством, сердце прихватило. Я ему тоже стал про лишний вес говорить, а он: «Живот – это ничего, это нормальное православное телосложение. Интриги все...» Мне понравилось: «православное телосложение». Но худеть нам с вами, Михаил Дмитриевич, все равно надо. Одевайтесь!

Получив гонорар, доктор привычным жестом снял с черепа макушку, словно крышку с чайника, и спрятал деньги внутри пустоглазого пособия. Свирельников распрощался и вышел. В коридоре собралась довольно большая очередь. Пациенты были по преимуществу ветхие и суровые. Поликлиника когда-то обслуживала исключительно старых большевиков и чиновных пенсионеров. Потом ее сделали вроде бы коммерческой, но заслуженных стариков продолжали пользоваться бесплатно, правда без былого уважения. Это их страшно задевало, особенно когда какой-нибудь новый русский проходил в кабинет без всякой очереди.

– Безобразие! – загудел огромный лысый дед в широченных брюках времен «Весны на Заречной улице». – Я этого так не оставлю! Вы кто такой?

Он уперся в Свирельникова страшным исподлобным начальственным взглядом, доводившим в прежние времена до инфаркта оплошавших подчиненных. Старичье вдохновилось и хором понесло все сразу: и новые больничные порядки, и демократию, и рыночную экономику, и конкретных наглецов, пренебрегающих святыми законами живой очереди. На шум вышел Сергей Иванович, нахмурился и крикнул:

– Сыроегов!

– Я! – уже не так сурово ответил горластый старикан.

– Ваша очередь?

– Моя.

– Заходите! Натощак?

– А вы про натощак не говорили!

– Говорил. Забыли. Придете завтра.

– Но, Сергей Иванович, я же из Кратова специально ехал...

– Зря ехали. Завтра!

– Сергей Иванович! Еле доехал... – пожалобился дед, и стало очевидно, как в прежние времена он вел себя, проштрафившись, на ковре у еще более жестокого начальства.

– Ладно, заходите! И чтоб больше у меня тут ни звука! Ясно? – Доктор мрачно оглядел очередь.

– Ясно... – жалко пролепетали ветераны.

– То-то! – сурово выговорил он и хитро подмигнул Свирельникову, наблюдавшему этот конфликт эпох.

11

На улице было солнечно. Михаил Дмитриевич остановился, поглядел на свежее утреннее светило, поднявшееся над облезлыми крышами, глубоко вдохнул предосенний воздух, веющий горькими ароматами едва начавшегося листового тления, и ощутил в теле, вопреки всему, внезапное, необъяснимое и бескорыстное погодное счастье. А в душе, несмотря на грозные предупреждения Сергея Ивановича, возникла веселая неколебимая уверенность в скорейшей обратимости телесных недугов, если только прямо с сегодняшнего дня начать жить правильно, бережно, бодро, выполняя советы доктора. Но тут он вспомнил про слезку, про свою непростительную чеченскую глупость и снова сердечно расстроился.

Алипанов еще не появлялся.

«Наверное, не может найти!» – подумал Свирельников и присел на лавочку возле большой клумбы, неравномерно заросшей мелкими, явно высаженными сиреневыми астрами и самостоятельными сорняками.

Спецполиклиника скрывалась в переулке, коленчато соединяющем Маросейку с Мясницкой. Мало кто знал, что, нырнув в неприметную подворотню, можно очутиться в обширном внутреннем дворе старинной допожарной московской усадьбы, спрятанной вовнутрь квартала. От большого бело-желтого барского дома с колоннами в обе стороны полукругом простирались пристройки, где когда-то, наверное, были людская, каретный сарай и прочие дворянские подсобья. Теперь же там располагались не уместившиеся в главном здании рентгеновский кабинет, физиотерапия, архив и кое-что еще. Свирельникову этот старинный дом напоминал огромного человека, раскинувшего руки, чтобы отгородить, уберечь свое исконное имение от уничтожающего напора новых времен.

В советские годы Михаил Дмитриевич частенько, особенно перед праздниками, бежал по этому переулку, тогда называвшемуся Большим Комсомольским, от метро «Площадь Ногина» к распределителю, который притаился во дворе спецстоловой для старых большевиков. «Святой человек» снабжал Тоню особыми талончиками с печатью. По ним можно было купить «авоську» – пакет с головокружительным советским дефицитом: севрюгой, семгой, икрой, сырокопченой колбасой, карбонатом и прочими вкусностями, которых никогда не бывало в магазинах, но которые непременно оказывались перед праздниками почти в любом московском холодильнике. Казалось, в каждой семье имеется свой, пусть даже совсем незначительный, Красный Эвалд, и ему от Советской власти полагаются посмертные жертвоприношения в виде редкостной снеди.

Стоя в небольшой очереди, Михаил Дмитриевич всякий раз поражался обилию в распределителе бодрых интеллигентных большевицких вдов, отлично друг друга знавших и громко разговаривавших промеж собой с той неистребимой местечковой жизнерадостностью, которую не выбили из них ни ответственное величие 20-х – 30-х, ни лагеря 40-х – 50-х, ни последующая долгая московская старость с непременными мхатовскими премьерами и третьяковскими вернисажами...

Алипанов, как и положено бывшему оперу, подошел незаметно, сзади, положил на плечи Свирельникову тяжелые ладони и тихо произнес:

– Не шевелитесь! Мы все про вас знаем!

Директор «Сантехюта» испуганно вздрогнул, почувствовав на мгновение в сердце болезненную беспомощность, и разозлился. Он дождался, пока Алипанов усядется рядом, вынул из кейса пакет с деньгами и молча отдал. Альберт Раисович, не пересчитывая, убрал его в боковой карман, спросив только:

– Как договаривались?

– Я-то – как договаривались. А вот ты – не как договаривались! – плаксиво ответил Сви-
рельников.

– Фетюгин пожаловался? Ну, ничего страшного. Пришлось надавить...

– Я не об этом!

– А о чем?

– Ты же обещал, что никто никогда не докопается!

– А разве он кому-то пожаловался?

– Никому он не жаловался. Я – про больницу!

– Про какую больницу? Эту, что ли? – Опер кивнул на дом с колоннами.

– Нет, про другую!

– Ну, так там все в порядке. Министром назначили.

– Кого?

– Догадайся с трех раз – кого! – начал злиться Алипанов.

– Тогда почему за мной следят?

– А с чего ты взял, что за тобой следят? Пил вчера?

– Ну и что?

– Так, ничего...

– Нет, мне не кажется! Сначала я возле отеля заметил...

– Возле какого отеля?

– На Патриарших.

– А что ты там делал?

– Отдыхал. Потом смотрю: те же самые «жигули» возле моего дома...

– Та-ак! С этого места подробнее, пожалуйста! Номер машины запомнил?

– Нет.

– Как они выглядели?

– Серые. Старая «копейка».

– Водителя рассмотрел?

– Рассмотрел: молодой, бритоголовый, в красной ветровке.

– В красной?

– В красной. Он хотел даже в мой подъезд зайти, но консьержка не пустила. Сказала,
милицию вызовет.

– Неужели есть еще такие консьержки?

– Есть. А он ответил, что сам оттуда.

– Да ну? И «мурку» показал?

– Что?

– Удостоверение.

– Нет.

– Ясно. А что ты в отеле делал?

– С Веселкиным мирился. Он от «Филипаласа» отказался.

– Да ты что! А почему?

– Понял, наверное, что все равно проиграет.

– С девушками гуляли?

– С девушками.

– Девушек кто заказывал?

– Он.

– А расплачивался?

– Я.

– Полностью расплатился?

– Полностью. Даже за вредность добавил.

- Во как! Можешь узнать, по какому телефону он их вызывал?
- Могу.
- Узнай!
- Зачем?
- На всякий случай. Похоже: расписание твое изучают, маршруты отслеживают, прикидывают...
- Что прикидывают?
- А кто ж знает? Может, тебя в разработку взяли, а может, просто грабануть хотят. Или грохнуть. Прикидывают, где удобнее... – Алипанов улыбнулся, нацелил на Свирельникова указательный палец, звонко щелкнув при этом большим и средним.
- За что? – Михаил Дмитриевич почувствовал, как сердце мягко споткнулось обо что-то в груди и несколько мгновений вообще отсутствовало на своем жизненном посту.
- Значит, есть за что!
- Ты так спокойно про это говоришь...
- Да подожди ты! Я пошутил. Может, это и не то совсем...
- А что?
- Что угодно. Например, тебя с кем-то могли перепутать. Ошиблись...
- Ага, и замочат по ошибке!
- Не допустим!
- А если не перепутали?
- Если не перепутали, значит, тебя в самом деле пасут.
- Кто?
- Будем выяснять.
- Из-за чего?
- Да мало ли из-за чего. Жена могла нанять. Ты с Антониной развелся?
- Нет еще...
- Вот, пожалуйста: соберет на тебя компромат и обует в суде за моральный ущерб по полной программе!
- Нет! Я ее знаю. Она на такое не способна!
- Запомни, Михаил Дмитриевич, бывшие жены способны на все!
- Исключено!
- Ладно – исключаем. Веселкин мог нанять?
- Вовико? Раньше, наверное, мог. А теперь зачем?
- Я же русским языком объяснил: от «Филей» он отказался! Мы с ним вчера...
- Ладно, успокойся! Ты что сегодня такой нервный? Не выспался?
- И не выспался тоже. Ты уверен, что с больницей это не связано?
- Точно. И вообще советую тебе забыть о больнице! А то накаркаешь! Я внятен?
- Внятен. Тогда кто за мной следит?
- Дай мне времени хотя бы до вечера. Ты, кстати, тоже подумай, повспоминай: может, обидел кого или не поделился по-честному? По телефону никаких угроз не было? Не обязательно вчера-позавчера. Месяц назад, полгода назад, год...
- Нет.
- Обычно сначала предупреждают или ставят условия. Деловые люди просто так не убивают. Ну, не мне тебе объяснять. К чужим женам не приставал? За это тоже могут!
- Не-ет... В последнее время нет...
- Ладно, будем думать-соображать. Если сам что-нибудь вспомнишь, звони. Только слов плохих по телефону не говори! Говори намеками – пойму. Я читал, что каждое сказанное слово улетает в космос и там вращается...
- Мысли, между прочим, тоже!

– Да ты что! Ну, тогда – всем звезд! – Почему? Есть же порядочные люди! – В делах, может, и есть, а в мыслях нет. Ладно, вечером встретимся, все обсудим, заодно и мой гонорар обговорим.

– А может...

– В милицию заявить? Попробуй! Думаешь, они тобой бесплатно заниматься будут?

– Нет, конечно, но все-таки... специалисты...

– Михаил Дмитриевич, ты что-то сегодня совсем плохой! Мы были специалисты! Мы! Поэтому нас всех и разогнали. А тем, кто сейчас там работает, на тебя наплевать! Но платить придется много, потому что им еще с начальством надо делиться. А я – один. Так что со мной надежнее и дешевле! Я внятен?

– Нет, я хотел... Ты меня сбил... Может, мне лучше дома отсидеться?

– Даже если тебя и заказали, в чем я глубоко сомневаюсь, киллер пока лишь на первом этапе. Ведь ты пойми: тебя не просто надо убить, тебя надо так убить, чтобы никто не докопался ни до заказчика, ни до исполнителей. А такие ликвидации за один день не готовятся. Ты точно эти «жигули» только сегодня увидел?

– Ну, может, вчера вечером... Не помню...

– Тогда сегодня живи спокойно! – Алипанов поднялся с лавочки и с хрустом расправил плечи. – Я выйду первым. Потом ты. Если он там, веди себя как можно спокойнее! Подай знак. Незаметно. Понял?

– А может, мне все-таки дома отсидеться?

– На людях-то безопаснее, Михаил Дмитриевич, ты мне верь! Если «жигуль» снова появится, постарайся запомнить номер!

– Да уж постараюсь...

Свирельников выждал, покуда бывший опер скроется из глаз, и двинулся следом. Войдя в подворотню, еще сохранившую сырую ночную прохладу, он остановился и закурил. Первая затяжка была удушливо-омерзительна, словно сигарета набита не табаком, а пластмассовыми опилками, но потом подспела головкружительная, тошнотворная легкость, которая на несколько мгновений примиряет с самой паскудной жизнью.

Серых «жигулей» в переулке не оказалось. На противоположной стороне, возле пиццерии, стоял Алипанов и вопросительно смотрел на директора «Сантехюта». Свирельников в огорчении широко развел руками. Альберт Раисович осуждающе покачал головой и решительно зашагал в сторону Мясницкой.

Михаил Дмитриевич, вздохнув, сел в машину.

– Куда едем? – робко осведомился шофер.

– К следователю.

– Куда в прошлый раз ездили?

– Туда!

12

Он проходил как свидетель по делу фирмы «Сантехглобал». Мотаться по следователям давно стало для него делом почти привычным. Даже смешно вспоминать, как, первый раз получив повестку, Свирельников выложил ее перед Тоней с ужасом, словно черную метку, и долго не мог заснуть, гадая, за что его, так сказать, привлекают. А привлекли его тогда за какое-то пустяковое нарушение правил торговли. Получив отступное, следователь тут же закрыл дело, открытое, судя по всему, из чисто коммерческой надобности. И на этот раз, собственно, ничего страшного Свирельников не совершал, а просто, как многие, покупал оптом и устанавливал клиентам сантехнику, которую почти беспощинно ухитрялась ввозить в отечество фирма «Сантех-глобал». У владельца фирмы, носившего примечательную фамилию Толкачик, имелись высокие родственные связи в Таможенном комитете, благодаря чему он мог выбрасывать на рынок дешевый и относительно качественный товар. Кормились вокруг него многие.

Быстро разбогатевав, Толкачик построил себе, как и положено, особняк на Рублевке, купил виллу в Карловых Варах, завел конезавод, сменил десяток модельных любовниц, а потом, заскучав от изобилия, не нашел ничего лучшего, как пойти в политику. Непростительная ошибка, но ее совершает большинство нуворишей в поисках острых ощущений. Почему-то Толкачику взбрело в голову финансировать Партию гражданского общества, которую политические враги именовали «Гроб» и которая всегда отличалась хамоватой лояльностью по отношению к Кремлю. Ходили затейливые слухи, будто Толкачик совершенно случайно познакомился с лидером этой партии Плютеевым и тот просто очаровал сантехнического олигарха своими тайными знаниями. Произошло это на торжественном фуршете по случаю вручения очередной «Вики». (Так ласково называют в осведомленных кругах золотую статуэтку «Виктории», ежегодно выдаваемую вместе с большой денежной премией самым неподкупным журналистам.) Плютеев, в прошлом известный уфолог, запивая утиную печень «сотерном», сообщил Толкачику о внеземном происхождении идей демократии, каковые в XVII веке доставил на землю посланец посторонней цивилизации, некоторое время проживавший в Англии под именем Фрэнсиса Бэкона и даже занимавший пост лорда-канцлера. Понятно, что его смерть в 1626 году от простуды, якобы подхваченной во время опытов по сохранению мяса с помощью снега, чистая дезинформация. Просто его забрали обратно, туда, откуда он прибыл...

Толкачик был настолько ошеломлен этим удивительным открытием, что вошел в политсовет «Гроба» и начал финансировать партию, рассчитывая стать вторым номером в списке кандидатов на ближайших выборах в Думу. Впрочем, есть и другая версия. Когда по рекомендации знаменитого политтехнолога Поплавковского Кремль обложил данью обнаглевших олигархов, сантехнического короля, конечно, не стали заставлять, как некоторых нефтеналивных магнатов, покупать за границей царские пасхальные яйца и поддерживать спорт, ему поручили всего-навсего взять на баланс «Гроб».

Однако Москва полагает, а Вашингтон располагает: вследствие громкого скандала лидер партии Плютеев вынужден был срочно уйти в отставку. В прессе напечатали присланную неизвестным доброжелателем фотографию, где глава «Гроба» стоял в обнимку с главным чеченским басмачом. А вскоре выяснилось, что бывший уфолог являлся еще и посредником при передаче боевикам денег от известного заграничного благотворителя Подберезовского, который организовал в Лондоне «Фонд имени имама Шамиля» и выделил несколько миллионов долларов якобы на то, чтобы перевести чеченский алфавит с кириллицы на арабскую вязь. Плютеев поначалу, конечно, оправдывался: мол, да, я сделал это, но по личному заданию очень важного кремлевского политика, считавшего, что мощный суверенный Ичкерийский имамат укрепит влияние России на Кавказе. Бросились искать политика, но оказалось, тот давно уже ведет энергичную частную жизнь в Испании, вложил крупную сумму в движение за гумани-

зацию корриды и стал Почетным тореадором Валенсии. Политик сознался: «Да, раньше я так считал, а теперь не считаю, но это не имеет никакого значения, потому что я теперь гражданин Испании!»

Оклеветанный Плютеев проклял Россию, в которой инопланетная демократия даже в ее ублюдочной, западной, версии невозможна так же, как ананасная плантация в тундре, и экстренно вылетел преподавать новейшую российскую историю в Штаты. Деньги ему положили очень приличные, ибо он был не просто обозревателем, исследователем и толкователем этой истории, а ее непосредственным участником: присутствовал, к примеру, при подписании Беловежского соглашения и даже, наливая трем президентам-расчленителям шампанское, обмочил случайно Ельцина, на что тот засмеялся и произнес историческую фразу: «Где пьют, там и льют!»

На посту лидера «Гроба», к всеобщему удивлению, Плютеева сменил Грузельский, любимец телевизионщиков, человек с длинными сальными волосами и вечно обиженным лицом завсегдатая диетических столовых. Прилетев из Швейцарии, где он лечился от приступов черной меланхолии, Грузельский буквально с трапа самолета обрушился с критикой на действующего президента, обвинив его в очевидной измене идеалам демократии, и моментально, таким образом, перетаскил партию из центра на самый край, который одни считали левым, а другие – правым. В результате оказалась нарушенной с таким трудом и затратами сбалансированная политическая система, что в условиях неотвратимо приближавшихся выборов явилось для Кремля подлой неожиданностью.

Толкачик воспользовался этим обстоятельством и объявил о своем выходе из политсовета «Гроба». Он уже понял к тому времени, что куда дешевле во искупление первично-накопительского греха профинансировать бесплатные школьные завтраки по всей России, нежели содержать эту проклятущую партию. Однако не тут-то было. Его неожиданно вызвали в прокуратуру и предъявили обвинение в торговле нерастаможенной сантехникой. Заместитель генерального прокурора сообщил по телевидению, что с этого дела начинается крестовый поход против нечестных предпринимателей, свивших осиное гнездо в самом сердце неокрепшей российской рыночной экономики. Огромный оптовый магазин «Сантех-глобала», расположенный в ангарах бывшего авиационного завода имени Чкалова, был опечатан, а весь товар вывезен до выяснения в неизвестном направлении.

Тогда-то и вызвали к следователю Свирельникова, требуя свидетельских показаний, подтверждающих, что Толкачик продавал ему нерастаможенную сантехнику. Проще всего, конечно, было прикинуться честным предпринимателем, введенным в заблуждение подлым поставщиком, и во всем сознаться. Но Михаил Дмитриевич не сомневался: Толкачик обязательно выкрутится. С такими деньгами и не выкрутиться! Более того, директору «Сантехюта» необходимо было, чтобы тот выкрутился, в противном случае долгожданный контракт на «Фили-палас» терял смысл, ведь за вычетом всех откатов и взяток заработать можно только на дешевых комплектующих от «Сантех-глобала».

Толкачик, опомнившись, выступил с заявлением, что пресса извратила его позицию, политсовета он не покидал и даже, напротив, собирается сразиться с Грузельским за пост председателя партии. По совершенно секретным данным, обнародованным в передаче «Постфактум» политологом Поплавковским, несчастного сантехнического олигарха обещали оставить в покое лишь в том случае, если он договорится с политсоветом и сместит Грузельского, который обещал рассказать в свое время и документально подтвердить чудовищную тайну о чекистских годах действующего президента. В «Столичном колоколе» появилось предположение, что президент, будучи агентом КГБ в ГДР, по ночам вместе со своими друзьями из Штази посещал вышки по периметру Берлинской стены и для удовольствия стрелял из крупнокалиберного пулемета по несчастным немцам, под покровом темноты незаконно перебежавшим в поисках

свободы в Западный Берлин. И якобы у Подберезовского в Лондоне хранится любительский снимок, запечатлевший это кошмарное хобби...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.